

Уголек в пепле

Автор:

[Саба Тахир](#)

Уголек в пепле

Саба Тахир

Уголек в пепле #1

В Империи сопротивление карается смертью.

Если вы не верны Императору и телом, и душой, вашу семью могут казнить.

В таком беспощадном мире живет Лайя. Когда ее старшего брата арестовывают за государственную измену, девушка решает прикинуться рабыней, для того чтобы шпионить в Военной академии Империи.

В таком беспощадном мире живет Элиас. Он – один из лучших солдат академии, но больше так жить не хочет. Едва ему приходит мысль о дезертирстве, его отправляют на битву.

Когда их пути пересекаются, они понимают, что связаны одной судьбой и одним выбором, который изменит будущее всей Империи.

Саба Тахир

Уголек в пепле

Каши, который доказал, что мой дух сильнее страха

Sabaa Tahir

AN EMBER IN THE ASHES

Copyright © 2015 Sabaa Tahir

© Е. Шолохова, перевод на русский язык, 2015

© ООО “Издательство АСТ”, 2015

* * *

Этот дебют может поставить Сабу Тахир в один ряд с Дж. К. Ролинг.

PUBLIC RADIO INTERNATIONAL

В какой-то момент понимаешь, что не можешь закрыть эту книгу, не дочитав ее. Саба Тахир – сильный писатель, но самое главное – она замечательный рассказчик.

HUFFINCTON POST

Смесь «Голодных игр» и «Игры престолов» с щепоткой романтики в духе Ромео и Джульетты.

THE HOLLYWOOD REPORTER

«Уголек в пепле» – на вершине списка must read этого года.

Я была настолько поглощена этой книгой, что даже пропустила свой рейс. Взрывной, душераздирающий, эпичный дебют. Надеюсь, мир готов для Сабы Тахир.

МЭРИ ЛУ, АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА «ЛЕГЕНДА»

Часть I

Облава

1: Лайя

Мой старший брат вернулся домой в самый темный час перед рассветом, когда призраки и те уже отдыхают. От него пахло сталью, углем и кузницей. Врагом.

Он ловко перепрыгнул через подоконник, беззвучно ступая босыми ногами. Следом ворвался горячий пустынный ветер, зашелестел занавесками. На пол выпал его альбом, и быстрым движением он пнул его под кровать, точно змею.

Где ты был, Дарин? В мыслях я набиралась мужества и спрашивала его об этом, и Дарин в ответ доверялся мне. Куда ты все время исчезаешь? Почему? Ведь ты так нужен Поупу и Нэн. Ты нужен мне.

Каждую ночь на протяжении почти двух лет я собираюсь спросить его об этом. И каждую ночь у меня не хватает смелости. Дарин – единственный, кто у меня остался. Я не хочу, чтобы он отдалился от меня, как от всех остальных.

Но сегодня все иначе. Я знала, что в его альбоме. Что это значит.

– Ты должна спать. – Шепот Дарина отвлек меня от тревожных раздумий. Это его почти кошачье чутье досталось ему от матери. Он зажег лампу, и я села в постели. Бесплезно притворяться спящей.

– Комендантский час давно начался, патруль уже три раза проходил. Я волновалась.

– Я знаю, как не попасться солдатам, Лайя. Это дело практики.

Он оперся подбородком о мою койку и улыбнулся ласково и насмешливо, совсем как мама. И посмотрел так, как обычно глядит, когда я просыпаюсь от кошмаров или когда у нас заканчиваются запасы зерна. Все будет хорошо, говорили его глаза. Он взял книгу с моей кровати.

– «Те, кто приходят ночью», – прочитал он название. – Жутковато. О чем она?

– Я только начала, о джиннах... – я запнулась. Умно. Очень умно. Он любит слушать истории так же, как я люблю их рассказывать. – Забудь. Где ты был? Этим утром Поуп принял с десяток пациентов, не меньше.

А мне пришлось подменять тебя, потому что он бы не справился в одиночку. И поэтому Нэн вынуждена была сама разливать джем по бутылкам. Вот только она не успела. И теперь торговец нам не заплатит, и мы будем голодать зимой. И почему, о небеса, тебя это нисколько не волнует?

Но все это я произнесла мысленно. Улыбка уже исчезла с лица Дарина.

– Я не подхожу для целительства, – сказал он. – И Поуп об этом знает.

Я хотела смолчать, но вспомнила, каким был Поуп этим утром, вспомнила его плечи, сгорбленные словно под тяжким бременем. И вновь подумала об альбоме.

– Поуп и Нэн зависят от тебя. Хотя бы поговори с ними. Уж не один месяц прошел.

Думала, он скажет, что я не понимаю. Что должна оставить его в покое. Но он лишь покачал головой, лег на свой ярус кровати и прикрыл глаза, будто не

желал утруждать себя ответами.

- Я видела твои рисунки, - слова торопливо слетели с моих губ.

Дарин тотчас вскочил, лицо стало непроницаемым.

- Я не шпионила, - пояснила я. - Просто один листок оторвался. Я нашла его, когда меняла утром циновки.

- А ты сказала Нэн или Поупу? Они видели?

- Нет, но...

- Лайя, послушай.

Десять кругов ада, мне не хотелось ничего слушать! Никаких его оправданий.

- То, что ты видела, - опасно, - предостерег Дарин. - Ты не должна об этом никому рассказывать. Никогда. Потому что это угрожает не только мне, но и другим...

- Ты работаешь на Империю, Дарин? Ты служишь меченосцам?

Он промолчал. Мне показалось, что вижу ответ в его глазах, и от этого мне стало дурно. Мой брат предал собственный народ? Мой брат на стороне Империи?

Если бы он тайно хранил зерно, продавал книги или учил детей читать, я бы поняла. Я бы гордилась им за то, что он способен на поступки, на которые у меня не хватило бы смелости. Империя устраивает облавы, сажает в тюрьмы и даже убивает за подобные «преступления», но учить шестилеток грамоте - вовсе не зло в представлении моего народа, книжников. Однако то, что делал Дарин, - это плохо. Это предательство.

- Империя убила наших родителей, - прошептала я. - Нашу сестру.

Я хотела закричать на него, но слова встали в горле комом.

Меченосцы завоевали земли книжников пятьсот лет назад, и с тех пор они только и делают, что угнетают наш народ и превращают нас в рабов. Когда-то Империя книжников славилась лучшими университетами и богатейшими библиотеками в мире. Сейчас же многие книжники не смогли бы отличить школу от оружейного склада.

- Как ты мог встать на сторону меченосцев? Как, Дарин?!

- Это не то, что ты думаешь, Лайя. Я объясню все, но...

Брат внезапно осекся, и когда я спросила об обещанном объяснении, взмахнул рукой, призывая замолчать. Он повернулся к окну. Сквозь тонкие стены доносился храп Поупа. Слышалось, как ворочается во сне Нэн, как за окном печально воркуют голуби. Знакомые звуки. Домашние звуки. Но Дарин уловил что-то еще. Лицо его побледнело, в глазах мелькнул страх.

- Лайя, - молвил он. - Облава.

- Но если ты работаешь на Империю... зачем тогда солдатам устраивать на нас облаву?

- Я не работаю на Империю, - его голос звучал спокойно. Спокойнее, чем я чувствовала. - Спрячь альбом. Он им нужен. За ним они и пришли.

Затем он вышел за дверь, оставив меня одну. Я еле двигалась. Босые ноги стали вдруг ватными, руки одеревенели. Поторопись, Лайя!

Обыкновенно Империя устраивала облавы среди бела дня. Солдаты хотели, чтобы все происходило на глазах женщин и детей книжников. Чтобы соседи видели, как чьих-то отцов и братьев лишают свободы. Но какими бы ужасными ни казались дневные облавы, ночные были еще страшнее. Их устраивали тогда, когда Империя не желала оставлять свидетелей.

Я думала, явь ли это? Может, это кошмарный сон? Нет, все происходит на самом деле, Лайя. Так что шевелись!

Я кинула альбом из окна в живую изгородь. Не слишком надежное место для тайника, но у меня не было времени, чтобы найти другое. Нэн, прихрамывая, вбежала в мою комнату. Ее руки, такие уверенные, когда она перемешивала джем в чанах или заплетала мне косы, метались в отчаянии, словно обезумевшие птицы. Поторопись!

Она вытащила меня в коридор. Дарин и Поуп стояли у задней двери. Седые волосы дедушки были всклокочены и торчали словно стог сена, одежда измята, но на морщинистом лице не было и следа сна. Он что-то тихо сказал Дарину, а затем передал ему самый большой кухонный нож Нэн. Не знаю зачем – против клинков меченосцев, выкованных из серракской стали, нож был абсолютно бесполезен.

– Уходите с Дарином через задний двор, – взгляд Нэн метался от окна к окну. – Пока они не окружили дом.

Нет, нет, нет.

– Нэн, – выдохнула я, споткнувшись, когда она подтолкнула меня к Поупу.

– Спрячьтесь в восточном конце квартала... – бабушка внезапно осеклась, не сводя взгляда с одного из окон. Сквозь изношенные занавески я уловила смутные очертания серебряного лица. Внутри все сжалось.

– Маска, – охнула Нэн. – Они привели маску. Беги, Лайя. Пока они не вошли в дом.

– Но что будет с тобой? С Поупом?

– Мы их задержим. – Поуп нежно подтолкнул меня к двери. – Храни свои секреты, любимая. Слушайся Дарина. Он о тебе позаботится. Беги.

Тень брата заслонила меня. Дверь за нами захлопнулась, и он взял меня за руку. Дарин пригнулся, растворяясь в теплой ночи, бесшумно двигаясь по сыпучему песку заднего двора с уверенностью, которой мне, к сожалению, очень недоставало. И хотя мне уже семнадцать и я достаточно взрослая, чтобы справиться со страхом, но все равно я схватилась за его руку как за

спасительную соломинку.

Дарин сказал, что не работает на них. Тогда на кого он работает?

Каким-то образом он сумел подобраться близко к кузницам Серры и смог зарисовать в деталях, как делают самое ценное достояние Империи: несокрушимые изогнутые клинки, которые одним ударом способны рассечь трех человек.

Пятьсот лет назад Империя книжников пала под натиском меченосцев в первую очередь потому, что наши мечи были слишком хрупки против их превосходной стали. И за все это время мы ничуть не продвинулись в кузнечном ремесле. Меченосцы хранят свой секрет так же бережно, как скряга стережет золото. Любой, кто будет пойман поблизости от городской кузницы без уважительной причины – будь то книжник или меченосец, – рискует жизнью. Если Дарин не работал на Империю, как он смог подобраться так близко к кузницам Серры? И как меченосцы узнали о его альбоме?

В переднюю дверь постучали кулаком. Послышались грохот сапог и звон стали. Я испуганно огляделась вокруг, ожидая увидеть серебряные доспехи и красные плащи легионеров Империи, но двор был пуст. Несмотря на ночную прохладу, по шее градом катился пот. В отдалении я услышала бой барабанов, доносящийся из Блэклифа – военной академии, где обучались будущие маски. От этих звуков мой страх усилился и словно игла впился в сердце. Империя не посылает этих чудовищ с серебряными лицами на рядовую облаву.

Снова раздался стук в дверь.

– Именем Империи, – прогремел раздраженный голос. – Приказываю вам открыть дверь.

Мы с Дарином застыли точно изваяния.

– Не похоже, что это маска, – прошептал Дарин.

Маски говорят вкрадчивым шепотом, который проникает в тебя как острие меча. За то время, что понадобится легионеру постучаться и зачитать приказ, маска

уже проникнет в дом, рассекая клинком любого, кто встретится на пути. Я поймала взгляд Дарина и поняла, что мы думаем об одном и том же. Если маски нет с остальными солдатами у передней двери, то где он?

– Не бойся, Лайя, – сказал Дарин. – Я не допущу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

Мне бы хотелось ему верить, но ноги, точно кандалами, сковало страхом.

Я вспомнила семейную пару, что жили по соседству: три недели назад на них устроили облаву, увели и затем продали в рабство. «Книжные контрабандисты», – сказали меченосцы.

Спустя пять дней одного из пациентов Поупа, девяностотрехлетнего старика, который едва мог ходить, казнили в собственном доме. Ему перерезали горло от уха до уха. «Сочувствовал Ополчению».

Что солдаты сделают с Нэн и Поупом? Посадят в тюрьму? Продадут в рабство? Убьют?

Мы добрались до калитки на заднем дворе. Дарин приподнялся на цыпочки, чтобы открыть задвижку, когда его остановил шорох в переулке за забором.

За спиной вздохнул ветер, вздымая в воздух облако пыли. Дарин отодвинул меня за спину и сжал нож так крепко, что побелели костяшки пальцев. Калитка открылась с протяжным скрипом. От страха по спине побежали мурашки. Через плечо Дарина я выглянула в переулок. Ничего. Только случайный порыв ветра, тихий шорох песка да закрытые ставни в домах спящих соседей. Я вздохнула с облегчением и обошла Дарина.

И в этот момент из темноты появился человек в серебряной маске и шагнул мне навстречу.

2: Элиас

Дезертир умрет до рассвета.

В пыльных катакомбах Серры он петлял точно подбитый олень. Он выбился из сил. Тяжелый горячий воздух здесь насквозь пропитан запахом смерти и разложения. Судя по следам, которые я нашел, он был здесь больше часа назад. Бедолага, стражники шли за ним по пятам. Если ему повезет, то его убьют во время погони. Если нет...

Не думай об этом. Надо спрятать рюкзак и выбираться отсюда.

Я просунул мешок с водой и запасами еды в потайное отверстие в стене, с хрустом раздвигая черепа. Элен устроила бы мне взбучку, если бы увидела, как я непочтителен к мертвым. Впрочем, узнай она, почему я здесь, осквернение останков стало бы далеко не главным обвинением.

Но она не узнает. По крайней мере, пока не станет слишком поздно. Чувство вины неприятно кольнуло, но я загнал его поглубже. Элен – самый сильный человек из всех, кого знаю. Она справится и без меня.

В сотый раз я оглянулся. В туннеле все было тихо и спокойно. Дезертир увел солдат в противоположную сторону. Но видимое спокойствие – лишь иллюзия, которой, как я знал, нельзя доверять. Я работал быстро, закладывая костями тайник, чтобы скрыть все следы. Все мои чувства обострились до предела.

Остался один такой день. Всего один день паранойи, скрытности и лжи. Один день до окончания школы. И я буду свободен.

Пока я передвигал черепа, горячий воздух в склепе за моей спиной заколебался, точно медведь пробудился от зимней спячки. Сквозь зловонное дыхание туннеля проникли запахи травы и снега. У меня было лишь две секунды, чтобы отступить от тайника и опуститься на колени, изучая землю, будто в поиске следов. Она подошла со спины.

– Элиас? Что ты здесь делаешь?

– Ты разве не слышала? Ищем дезертира, – ответил я, продолжая вглядываться в пыль.

Серебряная маска, закрывающая мое лицо ото лба до подбородка, не позволяла прочесть мои эмоции. Но почти каждый день из четырнадцати лет в Военной Академии Блэклифа мы с Элен Аквиллой провели вместе, поэтому она вполне могла улавливать и то, о чем я думаю.

Она молча обошла меня, и я взглянул в ее глаза, такие же бледно-голубые, как теплые воды, омывающие южные острова. Моя маска сидела на лице как нечто чужеродное и скрывала черты так же хорошо, как и чувства. Но маска Элен вросла в нее и стала словно второй серебряной кожей. Я увидел, как она слегка нахмурилась, глядя на меня сверху вниз. Расслабься Элиас, – попытался я себя успокоить. – Ты просто ищешь дезертира.

– Он прошел не здесь, – молвила Элен. Она провела рукой по светлым волосам, заплетенным, как обычно, в тугую косу, венчающую голову словно платиновая корона. – Декс взял группу наемников с северной сторожевой башни и отправился с ними в восточную ветвь туннеля. Думаешь, они поймают его?

Наемники, хоть и не настолько хорошо обучены, как легионеры, а с масками и вовсе ни в какое сравнение не идут, все же считаются безжалостными преследователями.

– Конечно, они поймают его, – мне не удалось скрыть горечь в голосе, и Элен пристально посмотрела на меня. – Трусливый подонок, – добавил я. – Но почему ты проснулась? Не ты ведь на посту этим утром?

В этом я заранее удостоверился.

– Эти чертовы барабаны, – Элен осмотрела туннель, – разбудят любого.

Барабаны. Конечно. По случаю побега они прогремели в середине ночной смены. Все действующие силы на поиски дезертира!

Элен, должно быть, решила тоже поучаствовать в погоне. Декс, мой лейтенант, сказал бы ей, по какому направлению я ушел. Но он об этом даже не подумал.

– Я предположил, что дезертир мог пройти и этим путем, – я отвернулся от спрятанного мешка и посмотрел в сторону другого тоннеля. – Наверное, я

ошибся. Мне надо догнать Декса.

– Как бы мне ни претила мысль признавать это, но обычно ты не ошибаешься, – Элен вздернула голову и улыбнулась мне.

Меня снова захлестнуло чувство вины, внутренности сжались в тугий узел. Она придет в ярость, когда узнает, что я наделал. Она никогда не простит меня. Не важно. Ты принял решение и не можешь сейчас отступить.

Элен со знанием дела провела по земле рукой, оставив след в пыли.

– Я никогда прежде не видела этот туннель.

Капля пота покатила вниз по шее. Я постарался не обращать на это внимания.

– Здесь жара и вонь, – сказал я. – Как и в остальных туннелях.

Пойдем, – хотелось добавить мне. Но сказать это все равно что выбить себе на лбу татуировку: «Я задумал кое-что недоброе».

Я молча привалился спиной к стене, скрестив руки на груди. Поле боя – мой храм. Мысленно повторял я слова, которым научил мой дед в первую нашу встречу, когда мне было шесть лет. Он утверждал, что они обостряют ум подобно точильному камню, что заостряет лезвие. Острие меча – мой пастырь. Танец смерти – моя молитва. Смертельный удар – мое освобождение.

Элен всматривалась в мои нечеткие следы и продвигалась по ним к тайнику, куда я спрятал мешок, к черепам, заслонявшим потайное отверстие. Она явно что-то заподозрила, даже воздух между нами зазвенел от напряжения. Черт возьми!

Необходимо отвлечь ее. Элен стояла между мной и тайником, и я лениво обвел ее фигуру взглядом. Ростом она была около шести футов, буквально без двух дюймов, и на полфута ниже меня. Элен, единственная девушка-студентка Блэклифа, носила, как и все, черную облегающую форму. Ее сильное стройное тело всегда привлекало восхищенные взгляды. Лишь я смотрел на нее иначе. Для этого мы слишком долго были друзьями.

Давай же, заметь! Заметь мой плотоядный взгляд и рассердись!

Когда Элен увидела, что я уставился на нее бесстыдно и жадно, как матрос, вернувшийся в порт, она открыла рот, словно хотела одернуть меня. Но затем вновь заинтересовалась тайником.

Если она увидит мешок с припасами и догадается о моих намерениях, я пропал. Скорее всего, ей будет противна мысль о том, чтобы сдать меня, но того требует закон Империи, а Элен никогда в жизни не нарушит закон.

- Элиас...

Я приготовился соврать. Я просто хотел уехать на пару дней, Эл. Мне нужно время, чтобы подумать. Не хотел тебя беспокоить.

БУМ-БУМ-БУМ-БУМ.

Барабаны.

Не задумываясь, по привычке я перевел удары в сообщение, которое они передавали: «Дезертир пойман. Всем студентам немедленно построиться во внутреннем дворе».

Сердце ухнуло вниз, внутри все сжалось. Какая-то наивная часть меня до последнего надеялась, что дезертир сумеет, по крайней мере, выбраться из города.

- Недолго за ним охотились, - произнес я. - Нам надо идти.

Я направился к главному туннелю. Следом, как я и думал, пошла Элен. Она скорее глаз себе выколет, чем не подчинится приказу. Вот уж истинный меченосец! Предана Империи больше, чем родной матери. Как все маски-отличники Академии, она слишком близко к сердцу принимала девиз Блэклифа: «Долг превыше всего до самой смерти».

Мне даже стало интересно, что бы она сказала, если бы выяснила, чем я на самом деле занимался в туннеле. Что бы почувствовала, узнай, как я ненавижу

Империю. Как бы, в конце концов, поступила, если бы обнаружила, что ее лучший друг намерен дезертировать.

З: Лайя

Человек в маске вошел во двор, его большие руки были свободно опущены. Станный металл его маски покрывал лицо от лба до подбородка точно серебряная краска, на которой читалась каждая черта, от тонких бровей до твердых скул. Медная броня, облегающая каждый мускул, подчеркивала мощь его тела.

Порыв ветра взметнул черный плащ.

Маска оглядел задний двор с таким видом, будто заявился на вечеринку. Затем бледные глаза задержались на мне, скользнули по изгибам тела и остановились на лице. Взгляд безразличный и холодный, точно у рептилии.

– А ты красотка, – произнес он.

Я одернула подол сорочки, отчаянно жалея, что сейчас на мне не бесформенная юбка длиной до пят, которую я обычно ношу днем.

Маска даже не шевельнулся. Ничто в нем не выказывало его мыслей. Но я вполне могла догадаться. Дарин шагнул вперед, заслоня меня собой, и посмотрел за забор, словно рассчитывая, как быстро можно туда добраться.

– Я один, парень, – маска обратился к Дарину все с той же безучастностью мертвеца. – Остальные люди у вас в доме. Можешь бежать, если хочешь. – Он отступил от ворот. – Но только если ты оставишь девчонку.

Дарин поднял нож.

– Как благородно с твоей стороны, – молвил маска.

Затем он ударил, ослепив на мгновение вспышкой меди и серебра, словно молния прорезала безоблачное небо. Я едва успела вздохнуть, а маска уже ткнул моего брата лицом в песок, прижимая коленом извивающееся тело. Нож Нэн упал в пыль. У меня вырвался крик, такой одинокий в тишине летней ночи. А спустя несколько секунд острие меча уперлось мне в горло. Я даже не видела, как маска вынул оружие.

- Тихо, - приказал он. - Руки вверх. А теперь ступайте в дом.

Одной рукой он удерживал Дарина за шею, второй - клинок, которым подталкивал меня. Мой брат хромал, лицо было разбито в кровь, глаза смотрели ошарашенно. Когда он попытался вырваться, забившись словно рыба на крючке, маска лишь крепче сжал хватку.

Задняя входная дверь распахнулась, и оттуда вышел легионер, облаченный в красный плащ.

- В доме все тихо, командир.

Маска толкнул Дарина к солдату.

- Свяжи его. Он сильный.

Затем он схватил меня за волосы, накручивая их на руку, пока я не вскрикнула.

- М-м-м, - он наклонился к моему уху, и я съежилась от страха, сковавшего горло. - Мне всегда нравились темноволосые девушки.

Я подумала, есть ли у него сестра, жена, мать. Но даже если и есть, это ровным счетом ничего не значило. Я для него не часть чьей-то семьи. Я - безликое существо, которое надо подчинить, использовать и выбросить. Маска поволок меня по коридору в гостиную с той же небрежностью, с какой охотник тащит свою добычу.

Борись, - приказала я себе. - Борись!

Но он как будто почувствовал мои слабые потуги приободрить себя, тотчас его рука сжалась, и вспышка боли пронзила голову. Я обмякла, позволив ему волочить меня дальше.

В гостиной посреди перевернутой мебели и разбитых банок с джемом плечом к плечу стояли легионеры. Теперь нам нечего предложить торговцу. Столько дней мы провели над кипящими котлами! Волосы, кожа насквозь пропахли абрикосами и корицей. Столько банок мы прокипятили, высушили, наполнили джемом и запечатали! И все зря. Все впустую.

В комнате горели лампы. В центре стояли на коленях Нэн и Поуп со связанными за спиной руками. Солдат, что держал Дарина, толкнул его к ним на пол.

– Мне связать девушку, сэр? – спросил другой солдат, указав на веревку, висевшую у него на ремне, но маска просто втиснул меня между двумя крепкими легионерами.

– Она не доставит нам неприятностей, – он сверкнул на меня глазами. – Не так ли?

Я покачала головой и сжалась, проклиная себя за трусость. Рука невольно потянулась к потускневшему браслету на предплечье, коснулась знакомых узоров. Он достался мне от матери и всегда придавал мужества. Но не в этот раз. Вот мама боролась бы. Она скорее умерла бы, чем перенесла такое унижение. Но я не могла заставить себя двинуться с места. Меня сковал страх.

Легионер вошел в комнату. На лице отразились тревога и страх.

– Его здесь нет, командир.

Маска смерил моего брата взглядом.

– Где альбом?

Дарин молча смотрел перед собой. Он дышал тихо и размеренно и больше не выглядел ошеломленным. На самом деле он был почти спокоен.

Маска сделал какой-то жест, едва заметное движение. Один из легионеров поднял Нэн за шею и пригвоздил ее хрупкое тело к стене. Она закусила губу. Ее глаза сверкали синевой. Дарин дернулся, пытаясь подняться, но другой солдат силой одернул его назад. Маска подобрал осколок разбитой банки и, высунув язык точно змей, попробовал джем.

– Досадно, что все это пропадет. – Он нежно провел по лицу Нэн краешком осколка. – Ты, верно, была когда-то красавицей. Такие глаза. – И повернулся к Дарину. – Может, мне их вырезать?

– Он на улице, под окошком маленькой спальни, в живой изгороди, – смогла лишь прошептать я, но солдаты услышали.

Маска кивнул, и один из легионеров исчез в прихожей. Дарин не смотрел на меня, но я почувствовала его смятение. Зачем ты просил спрятать его, – хотелось мне крикнуть. – Зачем ты вообще принес эти проклятые рисунки в наш дом?!

Легионер вернулся с альбомом. Мгновение, когда тишину нарушал лишь шелест листаемых маской страниц, казалось, растянулось до бесконечности. Если остальные рисунки были такими же, как на том листке, что я нашла, то нетрудно догадаться, что увидит маска: ножи меченосцев, мечи, ножны, кузницы, формулы, инструкции – то, что ни один книжник не должен знать, а уж тем более воспроизводить на бумаге.

– Как ты попал в Оружейный квартал, юноша? – маска поднял глаза от альбома. – Неужели Ополчение подкупило какого-нибудь рабочего-плебея, чтобы ты проник внутрь?

Я еле сдерживала рыдания. Меня раздирали противоречивые чувства: с одной стороны, я испытывала облегчение от того, что Дарин не предатель. С другой – злилась на него за то, что он оказался таким дураком. Если ты связан с Ополчением книжников, тебя неминуемо ждет смертный приговор.

– Я сам пробрался, – проговорил мой брат. – Ополчение здесь ни при чем.

– Тебя видели у входа в катакомбы прошлой ночью после комендантского часа, – произнес маска со скукой в голосе. – В компании известных ополченцев-

книжников.

– Прошлой ночью он пришел домой задолго до комендантского часа, – вмешался Поуп.

Ложь из уст дедушки звучала непривычно. Но это ничего не изменило. Маска не сводил глаз с моего брата. Он ни разу не моргнул, изучая лицо Дарина, словно читал его так же, как я читаю книгу.

– Тех ополченцев схватили и арестовали, – сказал маска. – Один из них перед смертью назвал твое имя. Чем ты с ними занимался?

– Они просто увязались за мной, – Дарин говорил совершенно спокойно. Как и раньше. Словно он вообще ничего не боялся. – Я никогда не встречал их прежде.

– А ведь они знали о твоём альбоме. Расскажи мне об этом. Как они о нём узнали? Что они хотели от тебя?

– Я не знаю.

Маска вдавил осколок стекла в мягкую кожу под глазом Нэн, и ее ноздри затрепетали. Струйка крови побежала по морщинке на ее щеке. Дарин резко выдохнул, только тем и выдав свое напряжение.

– Они просили мой альбом, – сказал он. – Я отказал им. Клянусь.

– А где их убежище?

– Я не видел. Они завязали мне глаза. Мы были в катакомбах.

– Где именно в катакомбах?

– Я не видел. Они завязали мне глаза.

Маска довольно долго смотрел на моего брата. Не знаю, как Дарин мог оставаться невозмутимым под этим взглядом.

– Ты готовился к этому, – нотки удивления проскользнули в голосе маски. – Прямая спина. Глубокое дыхание. Те же ответы на разные вопросы. Кто учил тебя, юноша?

Когда Дарин не ответил, маска пожал плечами.

– Несколько недель в тюрьме развяжут тебе язык.

Мы с Нэн испугано переглянулись. Если Дарин окажется в тюрьме меченосцев, мы больше никогда его не увидим. Несколько недель его будут допрашивать и пытаться, а затем продадут в рабство или убьют.

– Он всего лишь мальчик, – Поуп заговорил вкрадчиво, будто с буйным пациентом. – Пожалуйста...

Сверкнула сталь, и Поуп рухнул как подкошенный. Движение маски было молниеносным – я даже не поняла, что он сделал, пока Нэн не бросилась вперед. Пока не упала на колени с пронзительным криком, полным ужаса и боли. И это сломило меня.

Поуп! Небеса, только не Поуп! – Десятки обетов пронеслись в голове. – Всегда буду слушаться, никогда не буду поступать плохо, никогда не буду жаловаться на работу, только бы Поуп остался жив!

Но Нэн рвала на себе волосы и кричала, а если бы Поуп был жив, он никогда не позволил бы ей так делать. Он не смог бы этого вынести. Спокойствие Дарина в миг улетучилось. Его лицо побелело от ужаса, который проник и до самых моих костей.

Нэн, шатаясь, поднялась на ноги, нетвердо шагнула к маске. Он подался навстречу, словно хотел положить ей руку на плечо. Последнее, что увидела я в глазах моей бабушки, был страх. Маска взмахнул рукой, затянутой в перчатку, оставляя тонкую алую линию поперек горла Нэн. Эта линия стала шире, налилась красным, и ее тело упало на пол с глухим стуком. Глаза Нэн все еще оставались открыты и блестели от слез, а кровь лилась из раны на ковер, который мы вместе связали прошлой зимой.

– Сэр, – сказал один из легионеров. – До рассвета остался всего час.

– Заберите мальчишку, – маска даже не взглянул на Нэн. – И сожгите это место.

Он повернулся ко мне, и я отчаянно захотела слиться с тенью на стене за моей спиной. За всю свою жизнь я никогда и ничего так не желала, хотя и прекрасно понимала, насколько это глупо. Солдаты, что стояли по обеим сторонам, обменялись усмешками, когда маска сделал шаг мне навстречу. Мы встретились взглядами, и он словно почувствовал запах моего страха как кобра, увлеченная своей добычей. Нет, пожалуйста, нет! Исчезнуть, хочу исчезнуть!

Маска моргнул, какое-то странное выражение промелькнуло в его глазах – удивление или шок, сложно сказать. Да это и не важно. Потому что в этот самый момент Дарин вдруг вскочил с пола. Пока я съежившись тряслась от страха, он распутал веревки. Он бросился на маску, вытянув руки, как хищник вытягивает когти, и вцепился ему в горло. Ярость придала ему львиную силу. В этот миг он был точь-в-точь наша мать – медовые волосы блестели, глаза сверкали, рот искривился от дикого рыка.

Маска отступил в лужу крови, которая окружала голову Нэн, Дарин повис на нем, заваливая его на пол, осыпая ударами. В первый миг легионеры оцепенели от потрясения, но вмиг пришли в себя и кинулись на него с криками и бранью. Дарин успел выхватить кинжал у маски из-за пояса прежде, чем легионеры навалились на его.

– Лайя, – крикнул Дарин. – Беги!

Нет, Лайя. Помоги ему. Борись.

Но из головы не шел холодный взгляд маски, нечеловеческая жестокость в его глазах. «Мне всегда нравились темноволосые девушки». Он изнасилует меня. А потом убьет.

Я вздрогнула и попятилась в коридор. Никто не остановил меня. Никто не заметил.

– Лайя! – кричал Дарин.

Никогда еще его голос не звучал с таким безумным отчаянием. Он приказывал мне бежать, но если бы я кричала вот так, он бы пришел на помощь. Он бы никогда меня не бросил. Я остановилась.

«Помоги ему, Лайя, – приказывал внутренний голос. – Сделай же что-нибудь!» Но его перекрывал другой, более настойчивый, более властный: «Ты не можешь спасти его. Делай, что он просит. Беги!»

Краем глаза я уловила, как вспыхнул огонь, донесся запах дыма. Один из легионеров поджег дом. Пламя поглотит его в считанные минуты.

– Свяжите его, но на этот раз как следует, и отведите в камеру для допросов.

Высвободившись из рук Дарина, маска потирал челюсть. Затем он увидел, как я пячусь в прихожую, но остался на удивление спокойным. Нехотя я взглянула ему в глаза, и он склонил голову.

– Беги, маленькая девочка, – сказал он.

Мой брат все еще сопротивлялся, и его крики пронзали меня насквозь. Я знала, что буду слышать их снова и снова, каждый час, каждый день, пока не умру или пока все не исправлю. Я знала это.

И все же я побежала.

Тесные улочки и пыльные рыночные прилавки квартала книжников проносились мимо размытыми пятнами, словно обрывки кошмарного сна. С каждым шагом мой разум призывал меня вернуться, помочь Дарину. С каждым шагом это становилось все менее и менее вероятным, пока не стало и вовсе невозможным, и тогда единственной мыслью, стучавшей в голове, было бежать.

Солдаты преследовали меня, но я выросла среди этих приземистых глинобитных домишек и поэтому быстро оторвалась от погони.

Начало светать и с неистового бега я перешла на шаг. Спотыкаясь, я брела от переулка к переулку. Куда идти? Что делать? Мне нужен был план действий, но я не знала, с чего начать. Кто мог бы помочь мне или облегчить участь? Соседи

наверняка прогонят меня прочь из страха за собственную жизнь. Я потеряла всю семью: Дарин в тюрьме, Нэн и Поуп мертвы. Моя лучшая подруга Зара исчезла во время облавы в прошлом году, а у остальных друзей свои заботы.

Я осталась совсем одна.

Когда взошло солнце, я оказалась в заброшенном здании в глубине самой старой части Квартала. Полуразрушенное строение припало к земле точно раненый зверь, заблудившийся в лабиринте развалюх. В воздухе стояла вонь от гнилья и отбросов.

Я притулилась в углу комнаты. Пряди волос выбились из косы и спутались. Красные стежки по подолу сорочки порвались и пестрели бахромой из ярких нитей. Этой осенью по случаю моего семнадцатого дня рождения Нэн украсила сорочку вышивкой, чтобы хоть как-то разнообразить мой серый и унылый гардероб. Это был один из немногих подарков, что она могла себе позволить.

А теперь она погибла. Как и Поуп. Как много-много раньше погибли мои родители и сестра. И вот теперь Дарин. Его забрали. Уволокли в камеру для допросов, и неизвестно, что меченосцы сделают с ним.

Жизнь соткана из стольких мгновений, которые ничего не значат. Но приходит день, когда единственный миг определяет каждую следующую секунду твоего будущего. Крик Дарина и стал тем мигом. Проверкой на мужество, на силу. И я ее провалила.

Лайя! Беги!

Почему я послушалась его? Я должна была остаться. Должна была сделать что-нибудь. Застонав, я обхватила голову. Я все еще продолжала слышать его крики. Где сейчас Дарин? Начался ли допрос? Брат будет беспокоиться о том, что случилось со мной. Его будет преследовать мысль, как его сестра могла оставить его.

Мельком я уловила движение в тени, и волосы на затылке встали дыбом. Крыса? Ворона? Тень шевельнулась, и внутри нее вспыхнули два злобных прищуренных глаза. Следом зажглось множество других таких же глаз.

«Галлюцинации, – я мысленно услышала голос Поупа, ставящего диагноз. – Следствие шока». Галлюцинации или нет, но тени выглядели вполне реально. Их глаза сияли огнем, точно крохотные звезды. Они окружали меня как гиены, становясь смелее с каждым шагом.

– Мы знаем, – шипели они. – Знаем о твоей слабости. Он умрет из-за тебя.

– Нет, – прошептала я. Но они правы, эти тени. Я бросила Дарина. Оставила его. И не имеет значения, что он сам велел мне так поступить. Как я могла оказаться такой трусливой?

Я сжала мамин браслет, но от прикосновения к нему стало только хуже. Мама сумела бы перехитрить маску. Она бы придумала что-нибудь, чтобы спасти и Дарина, и Нэн, и Поупа.

Даже Нэн оказалась смелее меня. Нэн, такая хрупкая, с горящими глазами. В ней был стальной стержень. Мама унаследовала ее огонь и передала его Дарину.

Но не мне.

Беги, маленькая девочка.

Тени подползали все ближе, и я закрыла глаза в надежде, что они исчезнут. В голове роились мысли, и я изо всех сил попыталась сосредоточиться.

Вдалеке слышались крики и стук башмаков. Если солдаты все еще ищут меня, то оставаться здесь рискованно.

Может быть, и правда – пусть они найдут меня и сделают то, что сделают? Я предала свою кровь. Я заслужила наказание.

Но все тот же инстинкт, что заставил бежать от маски, вынудил меня подняться. Я выскользнула на улицу, стараясь затеряться в прибывающей толпе народа. Встречные книжники поглядывали на меня кто – настороженно, кто – с сочувствием, хотя большинство вообще не обращали внимания. Это заставило меня задуматься о том, сколько раз я сама проходила мимо тех, кто бежал, тех, чей мир так же был разрушен?

В скользком от сточных вод переулке я остановилась передохнуть. Густой черный дым клубился над другой стороной квартала, растворяясь высоко в горячем небе. Горел мой дом. Джем, что варила Нэн, лекарства Поупа, рисунки Дарина, мои книги – все пропало. Все, что у меня было, исчезло в одночасье.

Не все, Лайя. Дарин еще жив.

Посреди переулка, всего в нескольких футах от меня, виднелась врезанная в землю решетка. Как и все решетки в квартале, она вела в катакомбы Серры: последнее пристанище мертвых, обитель призраков, крыс, воров... и, возможно, Ополчения книжников.

Не для них ли шпионил Дарин? Не Ополчение ли привело его в Оружейный квартал? Он отрицал это, когда маска спросил его, это было единственным разумным объяснением. Ходили слухи, что бойцы Ополчения становятся все отважнее, привлекают в свои ряды не только книжников, но и маринцев, жителей свободной северной страны Маринии, и кочевников, чьи пустынные земли находятся под протекторатом Империи.

Поуп и Нэн никогда не говорили при мне об Ополчении. Но порой, поздними ночами, я слышала, как они шептались о том, что повстанцы освободили пленных книжников, напав на меченосцев. О набегах на торговые караваны Империи. О покушении на представителей высшего сословия – патрициев. Только бойцы Ополчения могли восстать против меченосцев. Неуловимые, они были единственным оружием книжников. Если кто-то и мог подобраться так близко к кузницам, то только они.

Ополчение может помочь мне, поняла я. Мой дом сожгли дотла, мою семью убили и все потому, что два повстанца выдали Империи имя Дарина. Если я смогу найти Ополчение и объяснить, что случилось, возможно, они помогут вызволить Дарина из тюрьмы – не только ради искупления, но и потому что они живут по Иззату, кодексу чести книжников. Лидер ополченцев – лучший и самый смелый книжник. Об этом мне рассказывали родители до того, как Империя их казнила. Если я попрошу помощи, Ополчение не отвернется от меня.

И я шагнула к решетке.

Я никогда не была в катакомбах Серры. Сотни миль туннелей и пещер змеились под городом, в некоторых гротах на протяжении столетий покоились кости. Правда сейчас уже никто не использовал склепы для захоронения.

Даже у Империи нет подробной карты всех катакомб. А если уж она, при всей своей мощи, не может выследить повстанцев, то как же я смогу их найти?

Ты не остановишься, пока не сделаешь этого.

Я подняла решетку, ведущую вниз, в черную дыру. Придется туда спуститься. Придется найти Ополчение. Потому что если я не найду повстанцев, у моего брата не будет ни единого шанса. Если я не уговорю их помочь нам, то больше никогда не увижу Дарина.

4: Элиас

Когда мы с Элен вышли на двор, там перед колокольной Блэкклифа уже построились почти все три тысячи курсантов. До рассвета оставался еще час, но никто даже не выглядел заспанным. Наоборот, толпа напряженно гудела. В последний раз, когда кто-то сбегал из Академии, двор был покрыт инеем.

Каждый здесь знал, что сейчас произойдет. Я невольно сжимал и разжимал кулаки. Мне не хотелось этого видеть. Как и все остальные, я поступил в Блэкклиф шестилетним ребенком и за четырнадцать лет в стенах школы видел телесные наказания тысячи раз. Что говорить, моя собственная спина являла собой карту здешних зверств. Но дезертирам доставалось больше всего.

Я чувствовал, что натянут как струна, но старался выглядеть как можно более равнодушным, так, чтобы выражение лица не выдавало моих эмоций. Преподаватели Блэкклифа – центурионы – будут наблюдать за нами. Навлечь на себя их гнев, когда я так близок к побегу, было бы непростительной глупостью.

Мы с Элен прошли мимо учащих первых четырех курсов, новобранцев, которые еще не носят масок. Сегодня они смогут в полной мере познать кровавый нрав Блэкклифа. Самым младшим едва исполнилось семь, старшим среди них –

одиннадцать.

При виде нас с Эл новобранцы опустили глаза, поскольку к нам, старшекурсникам, им запрещено даже обращаться. Они стояли навтыжку, с пустыми, точно камень, лицами, мечи за их спинами располагались под углом ровно в сорок пять градусов, ботинки блестели глянцем. Даже самые маленькие успели усвоить главный урок Блэклифа: слушаться, подчиняться и держать рот на замке.

За новобранцами пустовало место – дань чести учащимся второго уровня, пятикурсникам. Именно на пятом году обучения многие из нас умирали, ибо как только курсантам исполнялось одиннадцать, центурионы изгоняли их из Блэклифа без одежды, еды и оружия, обрекая на четырехлетнюю борьбу за жизнь. Уцелевшие возвращались в Академию, получали свои серебряные маски и еще четыре года обучались как Кадеты, а следующие два – как Мастера.

Мы с Элен – старшие Мастера – как раз заканчивали последний год нашего обучения.

Центурионы, неподвижные как статуи, стояли в арках, окружающих двор, и следили за нами, держа руки на плетках в ожидании Коменданта Блэклифа. Их маски давно слились с лицами, и любое подобие эмоций осталось лишь далеким воспоминанием.

Я коснулся своей маски рукой, желая сорвать ее хотя бы на минуту. Как и мои сокурсники, я получил ее в первый же день, как стал Кадетом, в четырнадцать лет. Но в отличие от остальных – и к большому ужасу Элен – гладкое жидкое серебро не проникло в мою кожу, как должно было. Возможно, потому что я снимал эту проклятую штуквину всякий раз, когда оставался один.

Я ненавижу маску с того самого дня, когда Пророк – святой человек в Империи – вручил мне ее в обтянутой бархатом коробке. Ненавижу, как она липла ко мне, точно паразит. Как она сжимала лицо, пытаясь превратиться в мою кожу.

Я – единственный курсант, чья маска не слилась с лицом, и мои недруги любили подкалывать меня этим. Позже маска, точно живая, начала борьбу, стремясь наконец стать неотъемлемой частью меня. В шею со спины впились крошечные серебряные нити. От этого по коже бежали мурашки и возникало чувство, что я –

больше не я. Будто я больше никогда не буду собой.

– Витуриус, – окликнул меня лейтенант взвода Элен, долговязый рыжеволосый Деметриус, когда мы заняли свои места рядом с другими старшими Мастерами. – Кто это? Кто дезертир?

– Я не знаю. Декс с наемниками привели его, – я оглянулся в поисках своего лейтенанта, но тот еще не подошел.

– Я слышал, это курсант первого уровня, – Деметриус уставился на деревянную колоду, что возвышалась посреди площади рядом с колокольней. Булыжники вокруг нее были бурыми от крови. Это место порки. – Старший. Четверокурсник.

Мы с Элен обменялись взглядами. Младший брат Деметриуса тоже пытался дезертировать на четвертом году обучения в Блэкклифе. Ему было десять. Он провел три часа по ту сторону ворот, прежде чем легионеры поймали и привели его к Коменданту – дольше, чем большинство беглецов.

– Может быть, это кто-нибудь из Мастеров, – Элен осмотрела ряды старших курсантов, пытаясь рассмотреть, нет ли среди них отсутствующих.

– Может быть, это Маркус? – предположил с улыбкой возвышающийся над всеми Фарис, солдат моего взвода. Его светлые волосы торчали непослушными вихрами. – Или Зак?

Нет, такой удачи не бывает. Маркус, темнокожий, желтоглазый, стоял в первом ряду рядом со своим близнецом Заком. Тот был несколькими минутами моложе, светлее и ниже ростом, но источал такую же злобу. Змей и Жаба, как называла их Элен.

Маска Зака еще не полностью прилегалась к коже, особенно вокруг глаз, но у Маркуса слилась с лицом так плотно, что все его черты, даже широкие надбровные дуги, отчетливо проступали сквозь нее. Если бы он попытался снять сейчас свою маску, ему бы пришлось содрать вместе с нею пол-лица. Возможно, от этого он стал бы только симпатичнее.

Словно почувствовав взгляд Элен, Маркус обернулся и посмотрел на нее как хищник, как собственник, и мне сразу захотелось придушить его.

«Ничего вызывающего, – напомнил я себе. – Не надо ничем выделяться».

Я заставил себя отвести взгляд. Нападение на Маркуса перед всей школой, несомненно, будет как раз-таки вызывающим поступком.

Элен заметила плотоядный взгляд Маркуса, ее руки сжались в кулаки, но прежде, чем она успела преподать наглецу урок, сержант-гвардеец прошествовал на середину площади.

– Внимание!

Три тысячи тел подались вперед, три тысячи пар обуви щелкнули каблуками, три тысячи спин резко выпрямились, словно куклы на руке кукловода. В наступившей тишине можно было услышать, как падает слезинка.

Но мы не слышали приближения Коменданта Военной Академии Блэкклифа. Мы почувствовали ее, как чувствуют надвигающийся шторм. Она ступала беззвучно, появившись из арки точно камышовая кошка из подлеска. Она была полностью в черном, от обтягивающего жакета униформы до туфель со стальными носами. Светлые волосы, как всегда, были стянуты в тугий узел на затылке.

Пока Элен не закончит Академию (что случится уже завтра), она является единственной женщиной-маской в Империи. Но в отличие от Элен, Комендант источает смертельный холод, как будто ее серые глаза и черты лица высечены изо льда.

– Привести обвиняемого, – приказала она.

Пара легионеров выволокли из-за башни маленькую безвольную фигурку. Стоявший рядом со мной Деметриус заметно напрягся. Слухи подтвердились – дезертиром оказался курсант четвертого года, мальчишка не старше десяти лет. Кровь струилась по его лицу, впитываясь в воротник черной униформы. Когда солдаты бросили его к ногам Коменданта, он не шевельнулся.

Комендант взглянула на курсанта свысока, ее серебряное лицо не выражало никаких эмоций. Затем ее рука потянулась к поясу, где она носила черный шипованный стек из железного дерева. Но она не достала орудие наказания. Пока нет.

– Четверокурсник Фалькониус Барриус, – раздался ее голос, мягкий, почти нежный. – Ты покинул свой пост в Блэклифе и не собирался возвращаться. Объяснись.

– У меня нет объяснений, Комендант, сэр, – он произнес слова, которые все мы повторяли перед ней сотни раз. Единственное, что ты можешь сказать в Блэклифе, когда облажаешься по полной.

Настоящее испытание – никак не проявлять эмоций и сохранять безучастность. Сейчас Барриуса накажут за преступление, которое я совершу меньше чем через тридцать шесть часов. Через два дня я сам могу оказаться на его месте. Окровавленный. Сломленный.

– Спросим мнения его сокурсников, – Комендант обратила взгляд на толпу, и нас словно обдало ледяным ветром, несущимся с горных вершин. – Виновен ли студент Барриус в измене?

– Да, сэр! – дружный крик потряс каменные плиты своей неистовой свирепостью.

– Легионеры, отведите его на плаху.

Рев студентов вывел Барриуса из ступора, и когда легионеры стали привязывать его к плахе, он извивался и сопротивлялся. Его сокурсники, те же самые мальчишки, с кем он боролся, потел и страдал все эти годы, стучали сапогами по булыжникам и трясли в воздухе кулаками. В первом ряду старших Мастеров Маркус выкрикивал одобрительные возгласы, в его глазах пылало порочное удовольствие. Он взирал на Коменданта с благоговением, как на божество.

Я почувствовал на себе взгляд. Один из центурионов наблюдал за мной. Не должно быть ничего необычного.

Я поднял кулак и одобрительно воскликнул вместе со всеми, ненавидя себя за это. Комендант достала стек, лаская его точно возлюбленного. Затем со свистом опустила на спину Барриуса. Его вздох эхом прокатился по двору, и каждый курсант затих. Всех объединила общая, пусть и мимолетная, жалость.

В Блэкклифе так много правил, что попросту невозможно не нарушить их, пусть даже раз. Каждого из нас в свое время привязывали к этой плахе. Все мы испытали на собственной шкуре удары этого стека.

Тишина длилась лишь мгновение. Затем Барриус закричал, и студенты взвыли в ответ, глумясь над ним. Маркус вопил громче всех, подавшись вперед и брызжа слюной от возбуждения. Одобрительно грохотал Фарис. Даже Деметриусу удалось выдать один или два выкрика, хотя в его зеленых глазах читались пустота и отрешенность, как будто он находился совсем не здесь. Рядом со мной кричала и Элен, но в ее крике не было ликования, только строгая печаль. Правила Блэкклифа предписывали голосом выражать свое возмущение предательством дезертира. И только поэтому она кричала.

Комендант, казалась, не замечала шума, сосредоточенная на своем деле, поднимая и опуская руку с грацией танцовщицы. Она кружила вокруг Барриуса, захватывая теперь и его тощие конечности. Перед каждым ударом она замирала на миг, вне всякого сомнения, чтобы подумать, как сделать следующий удар более предыдущего.

После двадцати пяти ударов она схватила его за безвольно повисшую шею и повернула лицом к толпе.

– Посмотри на них, – потребовала она. – Посмотри на людей, которых ты предал.

Глаза Барриуса с мольбой окинули двор, ища хоть в ком-нибудь толику жалости. Ему следовало знать, что надеяться не на что. Его взгляд упал на каменные плиты. Крики одобрения вновь взорвали воздух, и стек снова опустился на его тело. И снова. Барриус обмяк, под ним стала быстро растекаться лужа крови. Его веки трепетали. Я надеялся, что он потерял сознание, что он больше ничего не чувствует.

Я заставил себя смотреть. Вот поэтому ты сбежишь, Элиас. Чтобы больше не участвовать в подобном.

Барриус испустил булькающий стон. Рука Коменданта упала, и во дворе воцарилась тишина. Я видел, как дезертир вдохнул. Выдохнул. И затем ничего. Ни единого крика.

Наступил рассвет. Первые лучи солнца озарили небо над черной колокольной и словно окровавленные пальцы легли на наши лица зловещим багровым оттенком.

Комендант вытерла стек об униформу Барриуса и сунула его обратно за пояс.

– Бросьте его в дюны, – приказала она легионерам. – К падальщикам.

Затем оглядела всех остальных.

– Долг превыше всего до самой смерти. Каждый предатель Империи будет пойман и заплатит за измену. Свободны.

Ряды курсантов стали редеть. Декс, что привел дезертира, тихо ускользнул, на его смуглое симпатичное лицо легла печать болезненной усталости. Фарис неуклюже увязался следом. Наверняка он хотел подбодрить Декса и предложить отвлечься в борделе. Деметриус удалился в одиночестве. Я знал, что он вспоминает тот день два года назад, когда он был вынужден наблюдать, как умирает его младший брат. Так же, как Барриус сегодня. Теперь к нему не подступиться несколько часов. Остальные курсанты быстро покидали двор, все еще обсуждая порку.

– Всего тридцать ударов, какой слабак...

– Слышал, как он вздыхал? Словно напуганная девчонка...

– Элиас, – мягко позвала меня Элен, нежно коснувшись моей руки пальцами. – Пойдем. А то Комендант увидит тебя.

Она права. Все расходились. Я тоже должен уйти. Но я не мог двинуться с места. Никто не смотрел на кровавые останки Барриуса. Он – предатель, никто и ничто. Но кто-то должен остаться. Кто-то должен почтить его память, пусть даже в течение краткого мгновения.

- Элиас, - повторила Элен уже нетерпеливо. - Пойдем. Она увидит тебя.

- Мне нужна минута. - ответил я. - А ты иди.

Ей хотелось разубедить меня, но это привлекло бы внимание, и я не двигался с места. Поэтому она ушла, лишь оглянувшись напоследок. Когда Элен оставила меня, я поднял глаза и встретился взглядом с Комендантом.

Мы смотрели друг другу в глаза, стоя по разные стороны главного двора. И я поразился в сотый раз, насколько мы разные. Я - брюнет, она - блондинка. Моя кожа отливает бронзовым загаром, ее - бела как мел. Ее рот всегда недовольно изогнут, тогда как мой вид - само благодушие, даже когда на сердце скверно. К тому же я широкоплеч и высок ростом, намного выше шести футов, она же выглядит обманчиво хрупкой и миниатюрной, даже меньше, чем женщины-книжницы.

Но всякий, кто увидит нас рядом, непременно скажет, кто мы друг другу. От моей матери мне достались высокие скулы и светло-серые глаза. А еще безошибочное чутье и быстрота, что помогли мне стать самым лучшим курсантом, которого только выдвигал Блэкклиф за двадцать лет.

Мать. Ей не подходит это слово. «Мать» значит тепло, любовь, нежность. А не годы молчания и непримиримой ненависти. Мать не бросает в пустыне свое новорожденное дитя.

Она научила меня многому, эта женщина, что произвела меня на свет. К примеру, выдержке и хладнокровию. Я заглушил гнев и отвращение, я избавил себя от всех чувств.

Она нахмурилась, губы ее искривились. Затем подняла руку к шее, ее пальцы пробежались по завиткам причудливой голубой татуировки, виднеющейся из-под воротника.

Я думал, что она подойдет и потребует ответа, почему я все еще здесь и осмелился смотреть на нее. Но она не подошла. Лишь задержала на мне взгляд дольше обычного, затем повернулась и скрылась в арке.

Колокол ударил шесть раз. Барабаны застучали, призывая всех курсантов в столовую.

Легионеры подняли останки Барриуса и унесли прочь. Площадь опустела. Я остался, в полной тишине созерцающий лужу крови там, где раньше находился мальчик. Я содрогнулся, осознавая, что если не буду осторожен, то закончу так же, как он.

5: Лайя

В катакомбах стояла абсолютная тишина, такая же жуткая, как безлунная ночь. Но нельзя сказать, что туннели были пусты – как только я пролезла сквозь решетку, по босым ногам пронеслась крыса, а в нескольких дюймах от моего лица спускался по нитям паутины паук размером с кулак. Я прикусила руку, чтобы не закричать.

Спасти Дарина. Найти Ополчение. Спасти Дарина. Найти Ополчение.

Иногда я шептала эти слова. Хотя чаще повторяла их мысленно. Они помогали мне идти дальше словно заклинание, отгоняющее страх и бодрящее разум.

На самом деле я точно не знала, что ищу. Лагерь? Убежище? Любой признак жизни, оставленный не грызунами?

Поскольку большинство гарнизонов Империи располагались к востоку от квартала книжников, я направились на запад. Даже здесь, в этом заброшенном месте, я могла безошибочно определить, где всходило солнце, а где оно клонилось за горизонт, и где находилась столица Империи Антиум, расположенная на севере, а где – Навиум, главный южный порт. Это чутье было у меня столько, сколько я себя помню. Даже ребенком, когда Серра, должно быть, казалась для меня огромной, я всегда находила дорогу домой.

Это подбадривало меня сейчас – по крайней мере, я не буду ходить здесь кругами.

Какое-то время солнечные лучи пробивались в туннель через решетки катакомб, слабо освещая пол. Подавляя отвращение, я держалась за выщербленные стены склепов, откуда несло гниющими костями. В склепе хорошо прятаться, если патруль меченосцев подберется близко. «Кости – это всего лишь кости, – сказала я себе. – А патруль может убить».

При свете дня было проще отогнать сомнения и убедить себя, что я найду Ополчение. Но я бродила часами, и день в конце концов сменился ночью, точно завеса опустилась на глаза. Ночная мгла вернула страх, и он затопил меня словно река, прорвавшая дамбу. Я пугалась каждого шороха, боясь, что это наемник-убийца, каждый скрип мне казался писком полчища крыс. Катакомбы поглотили меня, как удав глотает мышь. Я дрожала, зная, что у меня и шансов выжить здесь не больше, чем у мыши.

Спасти Дарина. Найти Ополчение.

Голод стянул желудок в тугой узел, от жажды саднило горло. Вдруг я заметила факел, мерцавший вдалеке. Первым порывом было ринуться на свет как мотылек. Но факелами обычно отмечают территорию Империи, а в туннелях, вероятно, патрулируют плебеи, самое низшее сословие среди меченосцев. Если группа плебеев поймает меня здесь... даже представить страшно, что они сделают.

Я почувствовала себя пугливым затравленным зверьком, кем, собственно, Империя и считает меня и всех книжников. Император утверждает, что мы – свободные люди и живем под его покровительством. Но это неправда. Мы не можем владеть собственностью, нам запрещено посещать школу, и даже за мелкие проступки книжника могут продать в рабство.

Больше ни один народ не страдает от такой жестокости. Кочевники заручились соглашением: во время вторжения они безоговорочно приняли законы меченосцев в обмен на возможность свободного передвижения для своего народа. У маринцев свой козырь: удачное географическое положение и хорошо развитая торговля специями, мясом, железом.

Только к книжникам в Империи относятся как к отбросам.

«Тогда брось вызов Империи, Лайя, – слышу я голос Дарина. – Спаси меня. Найди Ополчение».

В темноте я стала продвигаться медленнее, почти красться. Туннель, по которому я шла, постепенно сужался, проход становился теснее. Пот градом катился по спине и все тело сотрясала дрожь – я ненавидела тесные пространства. Дыхание стало прерывистым. Где-то впереди капала вода. Как много призраков здесь обитает? Сколько духов, жаждущих мести, бродят по этим туннелям?

«Стоп, Лайя. Призраков не существует». В детстве я часами слушала сказки кочевников, что сочиняли легенды о мифических существах: Князе Тьмы и его помощнике Джинне, о привидениях, ифритах, рэйфах и упырях.

Иногда эти существа снились мне в кошмарах. Тогда именно Дарин утешал меня плачущую.

В отличие от кочевников, книжники не суеверны, и Дарин всегда обладал здоровым скептицизмом. «Здесь нет духов, Лайя. – Я и сейчас будто слышала его голос. Я закрыла глаза, представляя, что он рядом, и почти поверила в это. – Здесь нет духов. Их не существует».

Я коснулась браслета, как делала всегда, когда мне требовались силы. Серебро потемнело от налета, но я намеренно носила браслет таким, чтобы не привлекать внимания. Я провела по узорам из сплетенных линий, которые знала так хорошо, что порой видела их во снах.

Мама отдала мне браслет в последнюю нашу встречу. Мне тогда было пять. Это одно из немногих четких воспоминаний о ней: ее волосы пахли корицей, в глазах цвета штормового моря плясали искорки.

– Сохрани его для меня, мой маленький сверчок. Всего на неделю, пока я не вернусь.

Что бы она сказала сейчас, если бы узнала, что я сохранила браслет, но потеряла ее единственного сына? Что я спасла собственную шею и пожертвовала братом?

Исправь это. Спаси Дарина. Найди Ополчение.

Я опустила руку и остановилась. И почти сразу услышала за спиной какие-то звуки. Шепот. Шорох подошв по камням. Если звуки шли из склепов, я вряд ли заметила бы, такие они были тихие. Слишком осторожные для наемников. Слишком беззвучные для Ополчения. Маска?

Мое сердце заколотилось, и я завертелась на месте, вглядываясь в кромешную тьму. Маски могут передвигаться во мраке так же легко, как призраки.

Я ждала, оцепенев, но в катакомбах снова все стихло. Я не шевелилась. Не дышала. И ничего не слышала. Крыса. Это просто крыса. Только, может быть, очень большая...

Когда я осмелилась сделать еще шаг, то уловила запах кожи и дыма – человеческий запах. Я присела на корточки и стала шарить по полу рукой, пытаюсь найти какое-нибудь оружие – камень, палку, кость – что угодно, чем можно было бы отбиться от преследователя. Затем трут ударил о кремень, воздух рассекло шипение, и спустя миг вспыхнул факел.

Я поднялась, закрывая лицо руками. Отблеск пламени мерцал сквозь сомкнутые веки. Когда наконец заставила себя открыть глаза, то различила шесть человек. Их лица скрывали капюшоны. Они окружили меня, нацелив стрелы прямо в сердце.

– Кто ты? – спросил один из них, выступая вперед.

Хотя его голос звучал так же холодно и бесстрастно, как у легионеров, он не был широк в плечах и высок, как меченосцы. Голые руки казались крепкими и мускулистыми, а движения гибкими и плавными. В одной руке он держал нож, в другой – факел. Я попыталась взглянуть ему в глаза, но не смогла их разглядеть под капюшоном.

– Отвечай!

После нескольких часов молчания я едва смогла выдавить хрип.

– Я ищу...

Почему я не обдумала это раньше? Не могла же я сказать им, что ищу Ополчение. Никто, будь у него хоть одна извилина, не признался бы, что ищет повстанцев.

– Обыщи ее, – велел мужчина, когда я замолкла на полуслове.

Вторая фигура, легкая и женственная, перекинула свой лук за спину. Факел, потрескивая, горел за ее спиной, оставляя лицо в глубокой тени. Она выглядела слишком маленькой для меченосцев, а кожа рук не имела такого темного оттенка, как у маринцев. Вероятно, она принадлежала либо к книжникам, либо к кочевникам. Может быть, я смогу договориться с ней?

– Пожалуйста, – начала я, – позвольте мне...

– Замолчи, – оборвал мужчину, что говорил со мной только что. – Сана, есть у нее что-нибудь?

Сана – имя книжников, короткое и простое. Если бы она родилась в семье меченосцев, ее могли бы звать Агрипиной Кассиус, или Крисиллой Ароман, или еще как-нибудь так же длинно и пафосно. Но одно то, что она из книжников, не значило, что я в безопасности. Ходила молва о грабителях-книжниках, прятавшихся в катакомбах. По слухам, они вылезали через решетки, нападали, грабили и даже убивали любого, кто встречался им на пути, а затем снова ныряли в свое логово. Сана пробежалась руками по моим рукам и ногам.

– Браслет, – сказала она. – Возможно, серебро. Не уверена.

– Вы его не получите! – я отскочила от нее, и воры, что уже опустили луки, снова подняли их, целясь в меня. – Пожалуйста, отпустите меня. Я – книжница. Я одна из вас.

– Забери браслет, – велел мужчина. Затем дал знак остальным, и они заскользили по туннелю прочь.

– Сожалею, – вздохнула Сана. Сейчас ее рука сжимала кинжал. Я отступила на шаг.

– Не надо, пожалуйста, – я стиснула пальцы, пытаюсь скрыть дрожь. – Он мамин. Это единственное, что осталось от моей семьи.

Сана опустила нож, но затем главарь воровской банды окликнул ее, заметив, что она замешкалась, и направился к нам. В тот же миг один из его людей подал знак:

– Кинан, тревога. Патруль наемников.

– Разбейтесь по парам и разойдитесь. – Кинан опустил свой факел. – Если они пойдут следом, вводите их от базы, а не то ответите за это. Сана, снимай с девчонки серебро и уходим.

– Мы не можем ее оставить, – возразила Сана. – Они найдут ее. Ты знаешь, что они с ней сделают.

– Не наша беда.

Сана не двигалась, и Кинан сунул ей свой факел. Когда он взял меня за руку, Сана вклинилась между нами.

– Да, нам нужно серебро, – сказала она. – Но не отнятое у наших же соплеменников. Отпусти ее.

Отрывистые голоса меченосцев доносились из глубины туннеля. Они еще не видели свет факелов, но наверняка вот-вот заметили бы.

– Черт возьми, Сана, – Кинан попытался обойти женщину, но она оттеснила его с неожиданной силой. Ее капюшон упал. Когда свет факела озарил ее лицо, я ахнула. Не от того, что она оказалась старше, чем я думала. И не потому, что лицо ее выражало неистовую злость. Все дело в том, что на шее у нее я увидела татуировку: крепко сжатый кулак, поднятый на фоне пламени. А под ним слово «Иззат».

– Вы... вы... – я не могла вымолвить ни звука.

Глаза Кинана метнулись к татуировке, и он выругался.

– На этот раз ты добилась своего, – процедил он Сане. – Теперь мы действительно не можем оставить ее. Если она расскажет им, что видела нас, легионеры будут рыскать по этим туннелям, пока не найдут нас.

Он резко потушил факел, схватил меня за руку и потащил за собой. Когда я споткнулась и ударилась о его спину, он на мгновение оглянулся, смерив меня свирепым взглядом. Меня овеяло его запахом, острым и смоляным.

– Прости...

– Молчи и смотри, куда идешь. – Он оказался ближе, чем я думала, его дыхание обдало теплом мое ухо. – Или я выбью из тебя дух и брошу в какой-нибудь склеп. А теперь пошевеливайся!

Я прикусила губу и последовала за ним, пытаюсь не обращать внимания на его угрозу и сосредоточиться на татуировке Саны.

Иззат. Это старорейский язык, на котором разговаривали книжники до того, как меченосцы вторглись на нашу землю и заставили всех говорить на серранском. Слово «иззат» имело много значений. Сила, честь, гордость. Но в прошлом столетии оно обрело новое значение: свобода. Это не банда грабителей. Это были ополченцы.

6: Элиас

Крики Барриуса терзали мой разум еще несколько часов. Я до сих пор видел, как падало его тело, слышал последний вздох, чувствовал запах крови на булыжниках.

Обычно смерть курсантов настолько не поражала меня. Да и не должна была. Костлявая с косой – наша давняя подруга. В Блэклифе она следовала за нами

неотступно и в какой-то момент настигала то одного, то другого. Но видеть, как умирал Барриус, было особенно тяжело. Потому и весь остаток дня на меня накатывала то рассеянность, то раздражение.

Мое странное настроение не осталось незамеченным. Во время боевой подготовки старших Мастеров я вдруг осознал, что Фарис в третий раз задает мне один и тот же вопрос.

– Выглядишь так, словно твоя любимая шлюха подцепила сифилис, – хмыкнул он, когда я пробормотал извинения. – Что с тобой, черт возьми, происходит?

– Ничего. – Я спохватился, услышав, как зло прозвучал мой голос, но было уже поздно. Такое никак не вяжется с Мастерами накануне выпуска. Должно быть, я не на шутку разволновался и меня прямо-таки разрывало от нетерпения. Фарис и Декс обменялись взглядами, полными скепсиса, и я сдержал на языке слова проклятия.

– Ты уверен? – спросил Декс. Он твердо следовал правилам. Всегда таким был. Каждый раз, когда он смотрел на меня, я чувствовал, что его мучает вопрос, почему моя маска до сих пор не приросла ко мне. «Отвали!» – так и хотелось ему сказать. Но я все же напомнил себе, что им движет отнюдь не праздное любопытство. Он – мой друг, и он на самом деле обеспокоен.

– Этим утром, – заговорил Декс, – во время наказания ты был...

– Эй, оставьте беднягу в покое, – сзади к нам подошла Элен, одарив улыбкой Декса и Фариса и обвивая рукою мое плечо. Мы вошли в оружейную. Она кивнула на стойку с мечами.

– Давай, Элиас. Выбери себе оружие. Я вызываю тебя, лучшего из трех.

Она повернулась к остальным и что-то пробормотала, пока я отходил.

Я взял тренировочный меч, взвешивая его в руке. В следующий миг повеяло холодком, и я ощутил ее присутствие за спиной.

– Что ты им сказала? – спросил я Элен.

– Что твой дед загонял тебя.

Я кивнул. Лучшая ложь та, что основана на правде. Мой дед – маска и, как многие маски, никогда не будет довольствоваться результатом, если не он превосходит.

– Спасибо, Эл.

– Всегда пожалуйста. Лучше соберись в знак благодарности. – Она скрестила руки на груди, глядя, как я хмурюсь. – Декс – лейтенант твоего взвода, и ты не воздал ему должное за поимку дезертира. Он заметил. И весь твой взвод это заметил. И во время наказания ты был... не с нами.

– Если ты имеешь в виду, что я не жажду крови десятилетних мальчишек, то ты права.

Элен прищурилась. Я знал, что это значит: какая-то ее часть сочувствует мне, даже если сама она никогда этого не признает.

– Маркус видел, что ты остался после наказания. Теперь они с Заком убеждают всех, будто ты считаешь, что наказание было слишком жестоким.

Я пожал плечами. Можно подумать, что меня волнует, что про меня болтают Змей и Жаба.

– Не будь дураком. Маркусу хотелось бы за день до выпуска опорочить наследника клана Витуриа. – Она упомянула официальный титул моей семьи, одной из старейших и уважаемых в Империи. – Он практически обвиняет тебя в подстрекательстве к мятежу.

– Он меня в этом обвиняет каждую неделю.

– Но на этот раз у него есть повод.

Наши глаза встретились, и на короткий миг я подумал, что Элен обо всем догадывается. Однако в ее взгляде не было ни гнева, ни осуждения. Только тревога.

Она перечислила по пальцам мои грехи.

– Ты был командиром взвода на посту, но не ты привел Барриуса. Твой лейтенант сделал это за тебя, а ты не воздал ему должное. Ты едва скрывал свое неодобрение, когда дезертира наказывали. Не говоря уж о том, что остался всего один день до выпуска, а твоя маска только-только начала сливаться с тобой.

Элен ждала ответа, и когда я промолчал, она вздохнула.

– Если ты не глупее, чем выглядишь, то должен понимать, как это смотрится со стороны, Элиас. Если Маркус доложит об этом Черной Гвардии, у них найдется предостаточно доказательств, чтобы нанести тебе визит.

От нехорошего предчувствия затылок закололо словно иголками. Задача Черной Гвардии – следить за преданностью поданных Империи. Их форма украшена эмблемой с птицей, а их командующий после избрания отрекается от своего имени и зовется Кровавым Сорокопутом.

Кровавый Сорокопут – правая рука Императора и второй по могуществу человек в Империи. Он имеет привычку сначала мучить своих пленников, а уж потом допрашивать. Если эти живодеры в черном явятся с полночным визитом, меня ждут две недели лазарета. Весь мой план пойдет прахом.

Я старался не выдать своих мыслей Элен. Должно быть, это приятно – так искренне верить, что Империя опекает нас с особым тщанием. Почему я не могу быть как Эл или как кто-то еще? Потому что моя мать бросила меня? Потому что первые шесть лет своей жизни я провел с кочевниками, которые научили меня жалости и состраданию вместо жестокости и ненависти? Потому что моими друзьями по детским играм были дети кочевников, маринцев и книжников вместо отпрысков знати?

Эл протянула мне меч.

– Встряхнись, – сказала она. – Пожалуйста, Элиас. Всего на один день. А потом мы будем свободны.

Верно. Свободны, чтобы стать преданными слугами Империи, чтобы вести людей на смерть в нескончаемых территориальных войнах с дикарями и варварами. Те из нас, кого не отправят к границам, будут командовать отрядами легионеров в городе и выслеживать бойцов Ополчения или шпионов-маринцев. Да уж, будем свободны. Свободны восхвалять Императора. Свободны, чтобы насиловать и убивать.

Странно только, что все это совсем не похоже на свободу.

Но я молчал. Элен права. Я и так привлек к себе лишнее внимание, а в Блэклифе это крайне рискованно. Кадеты здесь как голодные акулы, если дело касается подстрекательства к мятежу. Стоит им лишь запах учуять, как налетят толпой.

Весь остаток дня я изо всех сил старался вести себя так, как ведет себя маска накануне окончания Академии, то есть самодовольно и грубо. Словно покрыл себя грязью.

Когда выпало несколько драгоценных минут свободного времени и я вернулся в свою комнату, что больше напоминала тюремную камеру, то сразу сорвал маску и швырнул ее на койку. Я вздохнул от облегчения, когда жидкий металл разжал свои цепкие объятия. Увидев свое отражение в полированной поверхности маски, я скривился. Даже невзирая на густые черные ресницы, над которыми любят посмеиваться Фарис и Декс, глазами я так похож на мать, что во мне закипает ненависть каждый раз, когда смотрю на себя. Я не знал, кто мой отец, да меня это больше и не заботило, но в сотый раз пожалел, что мне не достались его глаза.

После того как я сбегу из Империи это не будет иметь значения. Люди, глядя в мои глаза, увидят меченосца, а не Коменданта. Многие меченосцы обосновались на юге: в основном торговцы и ремесленники. Я стану одним из них.

Снаружи колокол пробил восемь раз. До выпуска осталось двенадцать часов, тринадцать – до того момента, как церемония закончится. Еще час на обмен любезностями. Клан Витуриа – известная семья, мой дед непременно захочет, чтобы я пожал десятки рук. Но в конце концов я отделаюсь и затем...

Долгожданная свобода.

Никто из курсантов не дезертировал после окончания Академии. Зачем бы им это? Это адская жизнь в Блэклифе заставляет их бежать. Но после окончания нам вверят дела и дадут собственный отряд легионеров. Мы получим деньги, статус, уважение. Даже безродные плебеи смогут жениться на знати, если станут масками. Никто в здравом уме не откажется от всех этих благ, особенно после четырнадцати с лишним лет обучения.

Вот поэтому завтрашний день будет идеальным для побега. В течение двух суток после выпуска будут проходить сумасшедшие вечеринки, обеды, балы, банкеты. Если я исчезну, никто и не подумает искать меня, по крайней мере, пока не кончатся торжества. Они решат, что я напился до беспамятства и отсыпаюсь у кого-нибудь из друзей.

Камин притягивал взгляд – за ним скрывался лаз, который вел в катакомбы Серры. Три месяца у меня ушло на то, чтобы вырыть его. Еще пара месяцев – на то, чтобы укрепить и спрятать от пытливых глаз наемных патрулей. И еще два – чтобы составить карту маршрута, ведущего через катакомбы из города.

Семь месяцев бессонных ночей, оглядок, попыток вести себя, не вызывая подозрений. Если побег удастся, то это все того стоило.

Ударили барабаны, извещая о начале выпускного банкета. Спустя несколько секунд в дверь постучали. Черт возьми! Я рассчитывал встретить Элен не в казарме, да и одеться еще не успел.

Элен вновь постучала.

– Элиас, кончай завивать ресницы и выходи. Мы опаздываем.

– Подожди, – ответил я.

Когда я стянул с себя униформу, дверь открылась и вошла Элен. Увидев меня раздетым, она вспыхнула и отвернулась. Я приподнял бровь. Элен видела меня обнаженным десятки раз, когда я был ранен, или болен, или во время жестких силовых упражнений. Но сейчас, глядя на меня голого она не просто закатила глаза, но и бросила мне рубашку.

– Ты не мог бы поторопиться? – пробормотала она, нарушив гнетущее молчание.

Я снял парадную униформу с крючка и быстро застегнулся, нервничая от того, что ей так неловко.

– Ребята уже ушли вперед, сказали, что займут нам места.

Элен потеряла татуировку Блэклифа на шее сзади – четырехгранный черный алмаз с изогнутыми сторонами, который накалывают каждому курсанту Академии. Элен перенесла эту процедуру гораздо сдержанней, чем многие парни нашего курса, стойко и без слез, тогда как остальные скулили.

Пророки никогда не объясняли, почему они всегда выбирают только одну девочку на весь поток в Блэклифе. Не объяснили даже самой Элен. Но какой бы ни была причина, очевидно, что выбирали они отнюдь не наугад. Элен, может быть, и единственная здесь девушка, но вовсе не случайно она занимает третье место в рейтинге курсантов выпуска. Как не случайно и то, что задиры рано узнали, что лучше оставить ее в покое. Она умная, быстрая, беспощадная.

Сейчас, в черной униформе, с косой, венчающей голову, словно корона, она так же ослепительно красива, как первый снег. Я поглядывал на ее длинные пальцы, замершие на затылке, смотрел, как она облизывает губы. И вдруг подумалось: а что, если поцеловать эти губы, подтолкнуть Элен к подоконнику, прижаться к ней, выдернуть шпильки из волос и ощутить мягкость платиновых локонов меж пальцев. Каково это будет?

– Элиас?

– Хмм... – Я вдруг понял, что беззастенчиво разглядываю ее, и сбросил оцепенение. Фантазируешь о своем лучшем друге, Элиас. Какой конфуз! – Извини. Просто... устал. Пойдем.

Она взглянула на меня со странным выражением, затем кивнула на мою маску, которая так и лежала на кровати.

– Это тебе может понадобиться.

– Верно. – Появиться без маски – преступление, которое неминуемо влечет за собой порку. С четырнадцати лет я не видел ни одного Мастера без маски. Так же, как никто из них не видел моего лица, кроме Элен.

Я надел маску, стараясь не содрогаться от той ярости, с которой она припала к коже. Остался всего один день. Потом я сниму ее навсегда.

Мы вышли из казармы под вечерний бой барабанов. Голубое небо окрасилось лиловым, знойный воздух пустыни становился прохладнее. Вечерние тени смешались с темными каменными стенами Блэклифа, и теперь здания выглядели неестественно огромными. Невольно я обследовал тени, выискивая возможную угрозу, – привычка, выработанная у меня с пятого курса. На мгновение я почувствовал, будто тени тоже смотрят на меня. Но затем это ощущение прошло.

– Как ты думаешь, Пророки придут на выпуск? – спросила Элен.

Хотелось бы ответить нет. У наших святых есть дела и поважнее, как например запереться в пещере и гадать на овечьих кишках.

– Сомневаюсь, – только и сказал я.

– Думаю, это будет утомительно после пятисот лет, – вымолвила Элен без малейшего намека на иронию.

Я сморщился от явной глупости подобного высказывания. Как может кто-то такой умный, как Элен, всерьез верить, что Пророки бессмертны?

Хотя она не одна такая. Меченосцы верят, что Пророки завладевают душами мертвых и в этом кроется секрет их силы. Маски же в особенности почитают Пророков, ибо они решают, кто из детей меченосцев будет учиться в Блэклифе. Они же преподносят нам маски. Так же нас учат, что именно Пророки основали Блэклиф пять сотен лет назад.

Их всего четырнадцать, красноглазых ублюдков, но, когда они появляются, что бывает крайне редко, все считаются с их мнением. Многие первые лица Империи – генералы, Кровавый Сорокопут, даже Император – ежегодно совершают

паломничество к горной берлоге Пророков, ища совета по государственным вопросам. И хотя любому, кто обладает хоть крупицей здравомыслия, абсолютно ясно, что они лишь горстка шарлатанов, Империя восхваляет их не только за бессмертие, но и за то, что они якобы могут читать чужие мысли и предсказывать будущее.

Большинство курсантов Блэклифа видят Пророков лишь дважды за все время обучения: когда поступают в Академию и когда получают свои маски. Но Элен всегда особенно привлекали эти святые, поэтому не удивительно, что она надеется увидеть их на церемонии выпуска. Я уважал Элен, но в этом вопросе не мог с ней согласиться.

Мифы меченосцев настолько же правдоподобны, насколько и сказки кочевников о джиннах и Князе Тьмы. Мой дед один из немногих, кто не верит в эту чушь о Пророках, и мысленно я повторил его мантру. Острие меча – мой пастырь. Танец смерти – моя молитва. Смертельный удар – мое освобождение. Мантра – это все, что мне было нужно. Пришлось собрать волю в кулак, чтобы сдержать язык за зубами. Элен это заметила.

– Элиас, – сказала она. – Я горжусь тобой.

Ее голос звучал удивительно торжественно.

– Я знаю, что ты старался изо всех сил. Твоя мать... – Она оглянулась по сторонам и понизила голос – шпионы Коменданта рыскали повсюду. – Твоя мать обращалась с тобой жестче, чем с любым из нас. Но ты доказал ей. Ты работал усердно. Ты все делал правильно.

При этом она говорила сейчас так искренне, что я дрогнул. Через два дня она изменит свое мнение. Через два дня она возненавидит меня.

Помни Барриуса. Помни, что тебе предстоит сделать после выпускного.

Я легонько толкнул ее в плечо:

– Что это вдруг за телячьи нежности?

– Забудь об этом, нахал, – она шлепнула меня по руке. – Я просто старалась быть милой.

Мой смех прозвучал нарочито бодро.

Они отправят тебя охотиться за мной, когда я уйду. Тебя и других, кого я называл братьями.

Мы вошли в столовую, и нас чуть не сбила с ног какофония звуков – смех, хвастовство, приглушенная болтовня трех тысяч молодых людей. В присутствии Коменданта так шумно не бывает, поэтому я немного расслабился, радуясь, что удастся избежать ее присутствия.

Элен потянула меня к одному из десятков длинных столов, где Фарис угощал остальных байками о своей последней вылазке в прибрежный бордель. Даже Деметриус, который со дня смерти младшего брата всегда выглядел подавленным, слабо улыбался. Фарис многозначительно взглянул на нас.

– Вы двое не торопились.

– Витуриус прихорашивался как раз для тебя, – Элен отодвинула гигантское тело Фариса, и мы сели. – Пришлось оттащить его от зеркала.

Остальные, кто сидел за столом, начали улюлюкать. Затем Леандр, солдат из взвода Элен, попросил Фариса закончить историю.

Рядом со мной Декс спорил со вторым лейтенантом Элен Тристасом, серьезным, темноволосым парнем с большими обманчиво-невинными голубыми глазами. На предплечье он носил татуировку с именем его невесты, Аэлии.

Тристас наклонился вперед.

– Императору почти семьдесят, и у него нет сына-наследника. В этом году, возможно, Пророки выберут нового Императора. Новую династию. Я разговаривал об этом с Аэлией...

– Каждый выпуск кто-нибудь думает, что как раз в этом году такое случится, – закатил глаза Декс. – И этого никогда не происходит. Элиас, скажи ему. Скажи Тристасу, что он – идиот.

– Тристас, ты – идиот.

– Но Пророк сказал...

Я коротко хмыкнул, и Элен бросила на меня укоризненный взгляд. Держи свои сомнения при себе, Элиас. Я положил еду в две тарелки, одну протянул ей.

– Вот, – протянул я. – Отведай помоев.

– И правда, что это? – Элен ткнула в пюре и нерешительно понюхала содержимое тарелки. – Навоз?

– Не нойте, – сказал Фарис с набитым ртом. – Вот кого жаль, так это пятикурсников – им придется возвращаться к этой бурде после того, как четыре года они грабили фермы.

– Вообще жаль всех студентов первого уровня, – заметил Деметриус. – Можешь себе представить еще двенадцать лет здесь? Или тринадцать?

Большинство первокурсников в столовой смеялись, как и все остальные. Но некоторые поглядывали на нас с завистью, словно голодные лисы на львиный прайд.

Но мне представилось, что половина из них погибнут, их тела остынут, смех умолкнет. Впереди их ждут годы мук и лишений. И столкнувшись с этим, они либо беспрекословно все примут, либо будут задавать вопросы, либо выживут, либо умрут. Тот, кто задает вопросы, обычно и умирает.

– Не похоже, чтобы они грустили по Барриусу, – слова вырвались у меня прежде, чем я успел сдержать себя. Я почувствовал, как рядом со мной напряглась Элен, точно вода превратилась в лед. Декс неодобрительно нахмурился, умолкнув на полуслове, и за столом воцарилось молчание.

– А с чего бы им грустить? – вмешался Маркус, что сидел через стол от нас вместе с Заком в компании дружков. – Этот подонок получил то, что заслужил. Мне бы только хотелось, чтобы это длилось дольше, чтобы он подольше помучился.

– Никто не спрашивал твоего мнения, Змей, – ответила Элен. – В любом случае, умер ребенок.

– Повезло ему, – Фарис приподнял вилкой неаппетитное варево и плюхнул обратно в железную тарелку. – По крайней мере, ему больше не придется это есть.

По столу прокатился тихий смешок, и разговор возобновился. Но Маркус уже почуял кровь, его злорадство, казалось, отравляло воздух. Зак пристально посмотрел на Элен и пробормотал что-то своему брату. Маркус не обратил на него внимания, уставившись на меня глазами гиены.

– Ты так расстроился сегодня утром из-за этого предателя, Витуриус. Он что, был твоим другом?

– Отвали, Маркус.

– Тоже проводил кучу времени в катакомбах.

– Что это ты хочешь сказать? – Элен потянулась к оружию, и Фарису пришлось взять ее за руку.

Маркус пропустил ее слова мимо ушей.

– Ты тоже собираешься дать деру, а? Витуриус?

Я медленно поднял голову. Это всего лишь догадка. Он предположил наобум. Он не мог этого знать. Я был осторожен. Осторожность, проявляемая в Блэклифе, может показаться большинству людей паранойей.

Над нашими столами повисла тишина. Отрицай это, Элиас. Они ждут.

– Ты руководил караулом сегодня утром, не так ли? – продолжал Маркус. – Должно быть, ты встревожился, узнав, что предатель сбежал. Ты должен был поймать его. Скажи, что он заслужил это, Витуриус. Скажи, что Барриус заслужил свое наказание.

Это должно быть легко. Но я так не считал, вот в чем дело. Губы одеревенели. Слова не шли с языка. Барриус не заслужил того, чтобы его забили до смерти. Он был ребенком, мальчиком, запуганным настолько, что не мог остаться в Блэкклифе, что рискнул всем, лишь бы сбежать.

Молчание постепенно распространялось по столовой. Некоторые из центурионов, сидевших за главным столом, начали посматривать на нас. Маркус встал. И мгновенно, точно течение быстрой реки, настроение присутствующих изменилось. Чувствовалось напряженное ожидание и любопытство. Сукин сын.

– Это поэтому твоя маска до сих пор к тебе не приросла? – не отставал Маркус. – Потому что ты не один из нас? Скажи это, Витуриус. Скажи, что предатель заслужил свою судьбу.

– Элиас, – прошептала Элен. Ее глаза молили. Уступи. Всего на один день.

– Он...

Скажи это, Элиас. Ничего не изменится, если ты скажешь.

– Он заслужил это.

Я холодно встретил взгляд Маркуса, и он ухмыльнулся, будто знал, как дорого далась мне эти слова.

– Это было очень тяжело, ублюдок?

Я даже обрадовался, что он оскорбил меня – это дало мне повод сделать то, чего так сильно хотелось. Я ринулся на него с кулаками. Но мои друзья ожидали этого. Фарис, Деметриус и Элен тут же вскочили на ноги и удержали меня, заслоняя будто стеной проклятую ухмыляющуюся физиономию Маркуса.

– Нет, Элиас, – сказала Элен. – Комендант выпорет тебя за то, что ты начал драку. Маркус этого не стоит.

– Он – ублюдок...

– На самом деле ублюдок это ты, – отозвался Маркус. – По крайней мере, я знаю, кто мой отец. Меня не воспитывала горстка воняющих верблюдами кочевников.

– Ты – плебейская шваль...

– Старшие Мастера, – главный центурион подошел к нашему столу. – Какие-то проблемы?

– Нет, сэр, – ответила Элен. – Иди, Элиас, – пробормотала она. – Иди подыши. Я все улажу.

Кровь во мне еще бурлила. Я протиснулся к дверям столовой и вышел во двор, направившись к колокольне прежде, чем понял, куда иду.

Как, черт возьми, Маркус вычислил, что я собираюсь дезертировать? Как много он знает? Не так уж и много, если меня до сих пор не позвали к Коменданту.

Будь он проклят! Я близко. Так близко.

Я миновал двор, пытаюсь успокоиться. Жара в пустыне спа?ла. Низко над горизонтом висел полумесяц, тонкий и красный, как улыбка каннибала. Вдали тускло сияли огни Серры, десятки тысяч масляных ламп казались ничтожными по сравнению с необъятной чернотой окружающей пустыни. На юге пелена дыма приглушала блеск реки. Повеяло запахами стали и кузницы – главные запахи города, известного исключительно своими солдатами и оружейными мастерскими.

Хотелось бы мне увидеть Серру в прежние времена, когда она была столицей Империи книжников. Во времена их правления большие здания служили библиотеками и университетами, а не казармами и тренировочными залами, как теперь. На улице Рассказчиков стояли подмости и театры вместо оружейных рынков, где если и рассказывали истории, то только о войне и смерти.

Глупое, конечно, желание, все равно что хотеть летать. Невзирая на все свои знания астрономии, архитектуры, математики, книжники пали под натиском Империи. Красота Серры давно исчезла. Теперь это город меченосцев.

Свет далеких звезд слабо озарял небосвод. Давно забытая часть меня понимала, что это красиво, но удивляться этому, как когда-то мальчишкой, я уже не мог. Тогда я взбирался на колючее хлебное дерево, чтобы стать ближе к звездам, уверенный, что несколько футов помогут мне лучше их рассмотреть. Тогда весь мой мир состоял из песка, неба и заботы кочевника Саифа, который спас меня, обреченного на верную гибель. Тогда все было по-другому.

– Все меняется, Элиас Витуриус. Ты теперь не мальчик, а мужчина. У тебя есть обязанности мужчины и право выбора мужчины.

Я сжал в руке нож, хоть и не помнил, когда успел достать его, и приставил к горлу человека в капюшоне, так внезапно оказавшегося рядом со мной. Годы тренировок сделали мои руки твердыми как камень, но в мыслях царило смятение. Откуда взялся этот человек? Я мог бы поклясться жизнью каждого солдата своего взвода, что буквально секунду назад его здесь не было.

– Кто ты, черт возьми?

Он опустил капюшон, и ответ на мой вопрос предстал предо мной.

Пророк.

7: Лайя

Мы мчались по катакомбам, Кинан впереди меня, Сана – по пятам. Когда Кинан убедился, что мы оторвались от патруля наемников, он замедлил шаг и велел Сане завязать мне глаза. Голос его прозвучал так резко, что я вздрогнула.

Вот что случилось с Ополчением! Теперь это шайка бандитов и воров? Как такое произошло? Всего двенадцать лет назад Ополчение достигло пика своей мощи, повстанцы заключали союз с кочевниками и королем Маринии. Они жили по

кодексу чести – Иззату, боролись за свободу, защищали невинных, ставя преданность своему народу превыше всего. Помнит ли еще Ополчение тот кодекс? Маловероятно. Помогут ли они мне? Смогут ли помочь?

«Ты заставишь их помочь», – снова зазвучал голос Дарина, уверенный и сильный, как в детстве, когда он учил меня читать или лазить по деревьям.

– Мы на месте, – наконец прошептала Сана после того, как мы прошагали, казалось, несколько часов. Я услышала стук и затем скрип открывающейся двери.

Сана провела меня вперед. Лицо овеял порыв прохладного воздуха, словно после смрада катакомб пахнуло весенней свежестью. Свет проникал через края повязки на глазах. Я уловила насыщенный запах зеленого табака и вспомнила папу, который курил трубку, когда рисовал для меня ифритов и прочих мифических тварей. Что бы он сказал сейчас, увидев меня в убежище Ополчения?

Я услышала невнятное бормотание. Теплые пальцы запутались в моих волосах, и спустя миг повязка с глаз упала. Кинан оказался прямо позади меня.

– Сана, – позвал он. – Дай ей немного листа нимы и уведи ее отсюда.

Он повернулся к другому бойцу, девушке всего на несколько лет старше меня, которая вспыхнула, когда он к ней обратился.

– Где Мэйзен? Радж и Нэйвид уже доложили?

– Что за лист нимы? – спросила я Сану, решив, что Кинан нас не услышит. Я никогда не слышала о такой, хотя выучила многие травы, работая с Поупом.

– Это опиат. Он заставит тебя забыть несколько последних часов. – У меня расширились глаза, но она покачала головой. – Я не собираюсь тебе его давать. Не сейчас, во всяком случае. Присядь. Ты неважно выглядишь.

В пещере, где мы оказались, было настолько темно, что я не могла определить, насколько она большая. Повсюду голубым светом горели лампы, которые обычно

встречались в лучших домах патрициев. Между ними мерцали смоляные факелы. Свежий ночной воздух проникал сквозь разломы в своде скалы, и я могла различить звезды, хоть и с трудом. Должно быть, я провела в катакомбах почти сутки.

– Здесь сквозняк, – Сана сняла свой плащ. Ее короткие темные волосы торчали как у взъерошенной сердитой птицы. – Но это дом.

– Сана, ты вернулась, – к нам приближался коренастый человек, поглядывая на меня с любопытством.

– Тэрик, – Сана поприветствовала его. – Мы наткнулись на патруль. И кое-кого прихватили по пути. Дашь ей немного поесть?

Тэрик исчез, и Сана усадила меня на ближайшую скамейку, не замечая взглядов, что бросали в нашу сторону остальные люди, находящиеся в пещере.

Мужчин и женщин здесь было поровну. Большинство носило темные закрытые одежды, и почти все держали наготове ножи и мечи, словно в любой момент ожидая налета Империи. Некоторые точили оружие, другие наблюдали за готовящейся на костре едой. Мужчины постарше курили трубки. Несколько человек спали на нарах вдоль стен.

Я откинула прядь волос с лица и осмотрелась. Сана, увидев мои черты, прищурилась.

– Твое лицо кажется... знакомым, – сказала она.

Волосы снова упали на лицо, и я не стала их убирать. Сана далеко не молода, так что в Ополчении она могла состоять довольно давно. И вполне могла знать моих родителей.

– Я, бывало, торговала на рынке джемом моей бабушки.

– Верно, – она все еще всматривалась. – Ты жила в Кварталах? Почему ты...

– Почему она все еще здесь? – Кинан, что все это время беседовал с группой бойцов в дальнем углу, теперь приближался к нам, откинув капюшон. Он оказался гораздо моложе, чем я ожидала, скорее мой ровесник, чем Саны. Наверное, поэтому она так рассердилась на его тон. На его лоб и глаза спадали огненно-рыжие пряди, такие темные у корней, что казались почти черными. Он был всего на несколько дюймов выше меня, но стройный и сильный, с утонченными изящными чертами книжников. Рыжая щетина пробивалась на щеках и подбородке, а на носу пестрели веснушки. Как и другие повстанцы, он имел при себе почти столько же оружия, сколько носят маски.

Я поймала себя на том, что разглядываю его, и тут же отвела взгляд, чувствуя, как к щекам хлынула краска. Теперь мне стало понятно, почему вспыхнула та девушка.

– Она не может остаться, – произнес он. – Уведи ее отсюда, Сана. Сейчас же.

Вернулся Тэрик и, услышав Кинана, грохнул передо мной тарелкой о стол.

– Не указывай ей, что делать. Сана не одна из твоих задуренных новобранцев. Она лидер нашей фракции, и ты...

– Тэрик, – Сана положила ладонь на его руку, но взгляд, которым она одарила Кинана, мог уничтожить камень. – Я дала девочке поесть и хочу выяснить, что она делала в туннелях.

– Я искала вас, – подала я голос. – Искала Ополчение. Мне нужна ваша помощь. Моего брата схватили вчера во время облавы...

– Мы не можем помочь, – перебил Кинан. – Нас и так мало.

– Но...

– Мы! Не можем! Помочь! – повторил он медленно, как будто несмышленому ребенку. Возможно, до той облавы холод в его глазах заставил бы меня замолкнуть. Но не сейчас. Не сейчас, когда Дарин нуждается во мне.

– Ты не лидер Ополчения, – возразила я.

- Я - его заместитель.

Он оказался выше, чем я ожидала, но все равно высоким его не назовешь. Я откинула волосы с лица и встала.

- Не тебе решать, останусь я или нет. Это решать лидеру, - я старалась выглядеть смелой, понимая, что если Кинан не согласится, то неизвестно, что делать дальше. Может быть, начать упрашивать?

Улыбка Саны была острой как лезвие.

- А девочка права.

Кинан двинулся на меня, пока не подошел вплотную, отчего мне стало не по себе. От него пахло лимоном, ветром и чем-то терпким вроде кедра. Он оглядел меня с головы до ног. Этот взгляд можно было бы счесть бесстыдным, если бы не легкое замешательство, сквозившее в его лице, будто он видел то, чего не мог понять. Его глаза оставались в тени, так что я не видела, какого они цвета - черные, карие или голубые. У меня возникло ощущение, что эти глаза видели меня насквозь, видели мою трусливую и слабую душу. Я скрестила руки и отвела взгляд, стесняясь своей рваной, грязной сорочки.

- Необычное украшение, - Кинан дотронулся рукой до браслета. Его палец чуть коснулся моей кожи, и по ней словно пробежали искры. Я отшатнулась, но он никак не отреагировал.

- Почернел весь, я мог и не заметить. Это ведь серебро, не так ли?

- Я его не украла, ясно? - Тело ломило, голова шла кругом, но я сжала кулаки, чувствуя одновременно страх и злость. - И если ты его захочешь снять, тебе сперва придется меня убить.

Кинан встретил мой взгляд холодно, и я лишь понадеялась, что он не распознал мой блеф. Мы оба знали, что убить меня - проще простого.

- Думаю, что так и сделаю, - процедил он. - Как твоё имя?

– Лайя. – Он не спросил фамилии – книжники их редко берут.

Сана озадаченно смотрела на нас обоих.

– Я пойду за Мэйз...

– Нет, – Кинан уже отошел от меня. – Я сам его найду.

Я снова села, а Сана продолжала всматриваться в меня, очевидно, пытаюсь понять, почему мое лицо кажется ей знакомым.

Если бы она видела Дарина, то узнала бы тотчас. Он поразительно похож на маму, а ее никто не мог забыть. Папа был другой – всегда в тени. Он рисовал, планировал, думал. От него мне достались непослушные и черные как ночь волосы, золотистые глаза, высокие скулы и полные не улыбочивые губы.

В квартале никто не знал моих родителей, поэтому никто не задерживал взгляд на мне или Дарине. Но в лагере Ополчения было по-другому. Я должна была понять это.

Я поймала себя на том, что пристально смотрю на татуировку Саны, и внутри все сжимается при виде кулака и пламени. Мама носила над сердцем точно такую же. Папа рисовал ее не один месяц, доводя до совершенства, прежде чем ввести чернила под кожу.

Сана заметила, куда я смотрю.

– Когда мне сделали татуировку, Ополчение было совсем другим, – пояснила она, не задавая вопросов. – Лучше. Но все меняется. Наш лидер, Мэйзен, говорит, что мы должны быть смелее, идти в атаку. Многие из молодых борцов, те, кого учит Мэйзен, разделяют его убеждения.

Я видела, что Сана не очень этим довольна, и ждала, не скажет ли она еще что-нибудь, но в дальнем конце пещеры открылась дверь, затем показался Кинан и хромой седовласый человек.

– Лайя, – позвал Кинан. – Это Мэйзен. Он...

– Лидер Ополчения.

Я знала его имя, потому что ребенком слышала, как мои родители нередко говорили о нем. Я знала Мэйзена и в лицо, потому что его портрет висел на плакатах «Разыскивается» по всей Серре.

– Так это ты наша новообетенная сиротка? – мужчина подошел и остановился рядом со мной, махнув рукой, чтобы я не вставала поприветствовать его. Он попыхивал трубкой, зажатой в зубах, и дым окутывал его израненное лицо. Татуировка с символом Ополчения побледнела, но оставалась различимой: зелено-голубая тень на коже под горлом.

– Что тебе нужно?

– Моего брата Дарина схватили легионеры во главе с маской, – я пристально смотрела в лицо Мэйзена, пытаюсь понять, узнает ли он его имя, но не уловила никаких эмоций. – Прошлой ночью, во время облавы на мой дом. Мне нужна ваша помощь, чтобы освободить его.

– Мы не спасаем всяких бродяг, – Мэйзен повернулся к Кинану. – Больше не трать мое время попусту.

Я постаралась подавить отчаяние.

– Дарин не бродяга. Его бы не схватили, если бы не ваши люди.

Мэйзин развернулся.

– Мои люди?

– Двое из ваших бойцов перед смертью выдали имя Дарина на допросе у меченосцев.

Мэйзен посмотрел на Кинана, ища подтверждения, и парень явно занервничал.

– Радж и Нэйвид, – не сразу ответил он. – Новые рекруты. Говорили, что работают над чем-то важным. Эран этим утром нашел их тела в западной части Квартала книжников. Я узнал несколько минут назад.

Мэйзен ругнулся и повернулся ко мне.

– Почему мои люди сдали имя твоего брата? Как они узнали о нем?

Если Мэйзен не знал про альбом, то и мне не стоило об этом говорить. Я сама не знала, что это значит.

– Не знаю. Может, они хотели, чтобы он к ним присоединился. Может, они дружили. Какой бы ни была причина, они навели Империю на нас. Маска, который убил их, пришел минувшей ночью за Дарином. Он... – голос мой срывался, но я прокашлялся и заставила себя договорить. – Он убил моих дедушку и бабушку. Забрал Дарина в тюрьму. И все из-за ваших людей.

Мэйзен глубоко затянулся, рассматривая меня, затем покачал головой.

– Я соболезную тебе. Правда. Но мы не можем тебе помочь.

– Вы... вы должны. Это долг крови. Ваши люди выдали Дарина.

– И заплатили за это жизнью. Ты не можешь просить большего, – мимолетный интерес, который проснулся в Мэйзене, угас. – Если мы будем помогать каждому книжнику, схваченному меченосцами, от Ополчения ничего не останется. Вот если бы ты была одной из нас... – Он пожал плечами. – Но ты – не одна из нас.

– А как же Иззат? – я схватила Мэйзена за руку, но он вырвал ее, гневно сверкая глазами. – Вы связаны кодексом чести. Вы должны помогать любому, кто...

– Кодекс распространяется на своих людей. Членов Ополчения. И их семьи. Тех, кто что-то сделал для нас. Кинан, дай ей лист нимы.

Кинан взял меня за руку. Я попыталась освободиться, но он держал крепко.

– Подождите, – не отступала я. – Вы не можете так поступить.

Подошел еще один боец, чтобы обуздать меня.

- Вы не понимаете. Если вы не вызволите Дарина из тюрьмы, они будут пытаться его, а потом продадут в рабство или убьют. А он - единственное, что у меня осталось.

Мэйзен уходил.

8: Элиас

Белки глаз у Пророка были красны, как у демона, и ярки по сравнению с абсолютно черными радужками. Кожа растянута на черепе, словно истерзанное тело на дыбе. Кроме глаз, цвета в нем не больше, чем у полупрозрачных пауков, что обитают в катакомбах Серры.

- Нервничаешь, Элиас? - Пророк отстранил нож от горла. - Почему? Ты не должен меня бояться. Я всего лишь пещерный шарлатан, который гадает по овечьим кишкам, верно?

О небеса! Как он узнал, что я так думал? Что еще он знает? Почему он вообще здесь?

- Это была шутка, - сказал я поспешно. - Глупая шутка...

- А твой план побега? Тоже шутка?

Мое горло сжалось. Все, о чем я мог думать, как он... кто сказал ему... я убью их...

- Призраки наших злодеяний жаждут мести, - произнес Пророк. - Но цена может оказаться слишком высокой.

- Цена...

Я не сразу понял его слова. Он собирается заставить меня заплатить за то, что я хочу сделать. Ночной воздух внезапно стал холоден, и я вспомнил зловоние и крики, наполнявшие тюрьму Кауф, куда Империя отправляет перебежчиков и где их ждут пытки самых жестоких надзирателей. Я вспомнил стек Коменданта и кровь Барриуса, залившую камни двора. Первый порыв да и наработанные навыки подсказывали напасть на Пророка и устранить угрозу. Но здравый смысл взял верх. Пророков настолько высоко чтут, поэтому убийство одного из них – смертный приговор самому себе. А вот заискивание мне не навредит.

– Понимаю, – признал я. – И покорно приму любое наказание, которое вы сочтете...

– Я здесь не для того, чтобы наказывать тебя. В любом случае, твое будущее и так станет для тебя наказанием. Скажи мне, Элиас, почему ты здесь? Почему ты в Блэкклифе?

– Чтобы выполнять волю Императора, – я знал эти слова лучше, чем собственное имя. Повторял их множество раз. – Чтобы устранять угрозы внутренние и внешние. Чтобы защищать Империю.

Пророк повернулся к колокольне, которую украшали высеченные четырехгранные алмазы. Слова, написанные на башне, были настолько мне знакомы, что я едва их замечал: «Из закаленных в битвах юных поднимется Предреченный, Величайший Император, гроза наших врагов, всесокрушающий предводитель народа. Империя должна быть единой».

– Предсказание, Элиас, – молвил он. – Будущее, данное Пророку в видениях. Поэтому мы построили Блэкклиф. Поэтому и ты здесь. Ты знаешь историю?

Историю Блэкклифа я выучил в первую очередь после того, как стал первокурсником: пятьсот лет назад жестокий воин по имени Таиус объединил раздробленные кланы меченосцев и обрушился с севера на Империю книжников, завоевав большую часть континента. Он нарек себя Императором и основал свою династию. Его называли Первой маской за таинственную серебряную маску, которую он носил, чтобы нагонять смертельный страх на своих врагов.

Но Пророки, что уже тогда считались святыми, увидели в видениях, что линия Таиуса однажды прервется. Когда тот день придет, Пророки проведут черту

физических и духовных испытаний и выберут нового Императора. По понятным причинам Таиус не принял этого предсказания, но Пророки, видимо, пригрозили ему, что задушат его с помощью овечьих кишок, потому что он и не пикнул, когда они начали возводить Блэклиф и обучать там курсантов.

И вот, пять столетий спустя, мы все здесь, в масках, как и Таиус Первый, ждем, когда династия старого дьявола падет и один из нас сможет стать блистательным новым Императором.

Я не задержал дыхание. Поколения масок обучались, служили, умирали, а об испытаниях никто даже не заикался. Блэклиф, может, и задумывался изначально как место, где будут готовить нового Императора, но сейчас это просто школа подготовки самого смертоносного актива Империи.

– Я знаю историю, – ответил я на вопрос Пророка. Но я не верил ни единому слову этой истории, поскольку считал все это бредом сивой кобылы.

– Боюсь, что это не бред, – рассудил Пророк.

Внезапно стало трудно дышать. Я так давно не испытывал страха, что не сразу это осознал.

– Вы читаете мысли.

– Это слишком упрощенное название для столь сложного действия, но да, мы можем читать мысли.

Значит, вы знаете всё: о моем плане побега, о моих надеждах, о моей ненависти. Всё. Никто не сдавал меня Пророку. Я выдал себя сам.

– Это хороший план, Элиас, – подтвердил Пророк. – Почти надежный. Если ты пожелаешь осуществить его, я не стану тебя останавливать.

«Ловушка!» – кричал мой разум. Но я посмотрел в глаза Пророка и не увидел в них ни тени лжи. Какую игру он затеял? Как давно он знает, что я собираюсь дезертировать?

– Мы знаем об этом уже несколько месяцев. Сначала мы не знали наверняка, но когда ты этим утром спрятал в туннеле мешок с продуктами, поняли, что ты решился. Мы знали также, что должны поговорить с тобой. – Пророк кивнул на тропу, что вела к восточной дозорной башне. – Пойдем пройдемся.

Я оцепенел и поэтому безвольно последовал за ним. Если Пророк не пытался отговорить меня от побега, тогда что он хотел? Что он имел в виду, когда сказал, что мое будущее станет мне наказанием? Он намекал, что меня поймают?

Мы подошли к дозорной башне. Часовые, что стояли на карауле, развернулись и ушли, словно повинувшись молчаливому приказу. Я остался наедине с Пророком, вглядываясь вдаль, в темные песчаные дюны, что простирались до самого Серранского Хребта.

– Когда я услышал твои мысли, то вспомнил о Таиусе Первом, – заговорил Пророк. – Как и у тебя, военное искусство было у него в крови. И так же, как ты, он боролся со своей судьбой.

Пророк улыбнулся, поймав мой недоверчивый взгляд.

– О да. Я знал Таиуса. Знал даже его предков. Мы, Пророки, шествуем по этой земле уже тысячу лет, Элиас. Мы избрали Таиуса как основателя Империи так же, как спустя пятьсот лет выбрали тебя служить ей.

«Невозможно», – твердила логика. Умолкни, логика! Если этот человек способен читать мысли, то и бессмертие не кажется столь невероятным. Неужели и вся та чушь о том, что Пророки овладевают душами мертвых – тоже правда? Если бы только сейчас могла меня видеть Элен! Как бы она торжествовала.

Я скосил глаза на Пророка и, увидев его профиль, вдруг обнаружил в нем нечто странно знакомое.

– Мое имя Каин, Элиас. Это я привел тебя в Блэкклиф. Я тебя выбрал.

Скорее, приговорил. Я пытался не думать о той ночи, когда Империя призвала меня, хотя этот момент нет-нет да являлся в кошмарных снах. Солдаты

окружили фургон Саифа и вытащили меня из постели. Мама Рила, моя приемная мать, кричала на них, пока братья ее не увели. Мой сводный брат Шэн озадаченно тер глаза спросонья, спрашивая, когда я вернусь. И именно этот человек, это существо тянуло меня к лошади, что сто яла в ожидании, а вместо объяснения ограничился лишь парой фраз: «Ты был избран. Ты пойдешь со мной».

Мне, маленькому и перепуганному, Пророк казался огромным, зловещим. Сейчас он едва доставал до моего плеча и выглядел настолько хрупким, что, казалось, сильный порыв ветра мог убить его.

– Думаю, вы выбрали тысячи детей за эти годы, – я старался сохранить уважительный тон. – Такова ваша работа, не так ли?

– Но именно тебя я запомнил лучше всех. Пророки видят во сне будущее: каков будет исход, какие есть возможности. Твой образ вплетен в каждый сон. Как серебряная нить в ковер ночи.

– А я думал, вы вытянули мое имя из шляпы.

– Послушай меня, Элиас Витуриус, – Пророк пропустил мимо ушей мою колкость, и, хотя его голос звучал ничуть не громче, чем мгновение назад, его слова вдруг стали словно выкованы из железа – такую мощь и вес придала им уверенность, с которой он их произнес. – Предсказание – это правда. Правда, с которой ты скоро столкнешься. Ты отчаянно хочешь сбежать. Оставить свой долг. Но ты не сможешь убежать от своей судьбы.

– Судьбы? – я с горечью усмехнулся. – Какой судьбы?

Это место – сплошь кровь и жестокость. После того завтрашнего выпуска ничего не изменится. Кровавые дела и злоба одолеют меня, пока наконец от мальчика, которого Пророк похитил четырнадцать лет назад, не останется ничего. Может, это и судьба. Но это совсем не то, что я выбрал бы для себя.

– Наша жизнь не всегда такая, какой, по нашему мнению, она должна быть, – сказал Каин. – Ты – уголек в пепле, Элиас Витуриус. Ты будешь сжигать, разорять и разрушать. Ты не можешь этого изменить. Не можешь остановить.

– Я не хочу...

– Чего ты хочешь – не имеет значения. Завтра ты должен будешь сделать выбор. Между побегом и долгом. Тебе решать: бежать от судьбы или встретить ее лицом к лицу. Если ты сбежишь, Пророки не станут препятствовать. Ты сбежишь, покинешь Империю, ты будешь жить. Но ты не найдешь утешения. Твои враги будут охотиться за тобой. Все темное расцветет в твоём сердце, и в тебе проснется то, что ты так ненавидишь – злоба, бесчеловечность, жестокость. Ты будешь в плену своего внутреннего мрака, точно в темнице.

Он придвинулся ко мне, его черные глаза смотрели безжалостно.

– Но если ты останешься, если исполнишь свой долг, у тебя появится шанс навсегда разорвать узы между тобой и Империей. Ты получишь шанс стать могущественным настолько, насколько ты и не представлял. Ты получишь возможность обрести истинную свободу – и тела, и души.

– Что это значит – если я останусь и выполню долг? Какой долг?

– Придет время, и ты узнаешь, Элиас. Ты должен мне верить.

– Как я могу верить вам, если вы даже не объясняете, что это значит? Какой долг? Мое первое дело? Или второе? Скольких книжников я должен замучить? Сколько зла я должен причинить, прежде чем стану свободным?

Каин сделал шаг назад, затем другой, не сводя глаз с моего лица.

– Когда я смогу покинуть Империю? Через месяц? Через год? Каин!

Он растворился во тьме так же быстро, как звезда на рассвете. Я потянулся за ним, чтобы схватить его, чтобы заставить остаться и ответить на мои вопросы. Но моя рука поймала лишь воздух.

9. Лайя

Кинан потянул меня к выходу из пещеры, но я упиралась. Дыхание сбилось. Его губы шевелились, но я не могла разобрать, что он говорил. Все, что я слышала, это крики Дарина, что до сих пор звучали у меня в ушах.

Я никогда не увижу своего брата. Меченосцы продадут его в рабство, если повезет, или убьют, если нет. И в том, и в другом случае я ничего не могу поделать.

«Скажи им, Лайя, – шептал Дарин в моих мыслях. – Скажи им, кто ты есть».

«Они могут убить меня, – спорила я. – Я не знаю, могу ли доверять им».

«Если ты им не скажешь, я умру, – возразил голос Дарина. – Не дай мне умереть, Лайя».

– Татуировка на твоей шее, – крикнула я в удаляющуюся спину Мэйзена. – Кулак и пламя. Мой отец тебе ее наколол. Ты был вторым, кому он сделал татуировку после моей матери.

Мэйзен остановился.

– Его имя Джахан. Ты звал его Лейтенантом. Мою сестру звали Лиз. Ты звал ее Маленькой Львицей. Моя... – на секунду я помедлила. Мэйзен развернулся, желваки на его лице ходили ходуном. Говори, Лайя! Он тебя слушает. – Мою мать звали Мирра. Но ты и все остальные звали ее Львица. Лидер. Глава Ополчения.

Кинан сразу отпустил меня, словно моя кожа превратилась в лед. Лишь вздох Саны нарушил внезапно воцарившееся молчание. Теперь она поняла, почему я казалась ей знакомой.

Я с тревогой оглядела потрясенные лица. Моих родителей предал кто-то из Ополчения. Нэн и Поуп так и не узнали, кто это был.

Мэйзен молчал.

Пожалуйста, лишь бы не он оказался предателем. Пусть он будет хорошим.

Если бы Нэн видела меня, то задушила бы. Я всю жизнь хранила тайну о том, кем были мои родители. А рассказав, вдруг почувствовала пустоту внутри. И что сейчас произойдет? Все эти повстанцы, многие из которых боролись плечом к плечу вместе с моими родителями, узнали, кто я. Они захотят, чтобы я была такой же бесстрашной и яркой, как мама. Они захотят, чтобы я была такой же умной и спокойной, как папа.

Но я ни то и ни другое.

– Ты работал с моими родителями двадцать лет, – сказала я Мэйзену. – В Маринии, потом здесь. Ты вступил в Ополчение одновременно с моей матерью. Ты поднялся на вершину вместе с нею и моим отцом. Ты был третьим в команде.

Лицо Кинана оставалось неподвижным, зато глаза метались от меня к Мэйзену. Работа в пещере остановилась, бойцы, перешептываясь друг с другом, собирались вокруг нас.

– У Мирры и Джахана был только один ребенок, – Мэйзен подскочил ко мне, оглядывая мои волосы, глаза, губы, сравнивая с теми, что он помнил. – Она погибла вместе с ними.

– Нет! – Я держала в себе нашу тайну так долго, что казалось неправильным говорить об этом. Но я должна была. Это единственные слова, которые могли чем-то помочь.

– Мои родители оставили Ополчение, когда Лиз исполнилось четыре. Они ждали Дарина и хотели нормальной жизни для своих детей. Поэтому они исчезли. Без следа. Родился Дарин, а через два года появилась я. Но Империя крепко придавила Ополчение. Все, ради чего мои родители работали, рушилось. Они не могли сидеть сложа руки. Они хотели бороться. Лиз уже достаточно подросла, чтобы остаться с ними. Но мы с Дарином были еще слишком малы. Нас оставили у родителей мамы. Дарину тогда исполнилось шесть, мне – четыре. А годом позже они погибли.

– Хорошую сказочку ты поведала, девочка, – хмыкнул Мэйзен. – Но у Мирры не было родителей. Она была сиротой, как я. И как Джахан.

– Это не сказочка, – сказала я тихо, чтобы скрыть дрожь в голосе. – Мама оставила родительский дом в шестнадцать лет. Нэн и Поуп не хотели ее отпускать. А когда она ушла, то оборвала все связи. Они даже не знали, жива ли их дочь, пока однажды она не постучала к ним в дверь с просьбой взять нас с Дарином к себе.

– Ты абсолютно на нее не похожа.

Он мог с тем же успехом ударить меня.

«Я знаю, что не похожа на нее, – хотелось мне сказать. – Я пресмыкалась и плакала вместо того, чтобы бороться. Я бросила Дарина вместо того, чтобы умереть вместе с ним. Она никогда не была такой слабой, как я».

– Мэйзен, – прошептала Сана, как будто я исчезну, если она заговорит слишком громко. – Посмотри на нее. У нее глаза Джахана и его волосы. Черт возьми, у нее его лицо!

– Клянусь, это правда. Этот браслет, – я подняла руку, и он блеснул в свете огней пещеры. – Он принадлежал маме. Она отдала его мне за неделю до того, как Империя схватила ее.

– А я все думал, куда она его дела, – жесткие черты Мэйзена смягчились, и отсвет старых воспоминаний блеснул в его глазах. – Джахан подарил ей этот браслет, когда они поженились. Я ее никогда не видел без браслета. Почему ты не пришла к нам раньше? Почему твои бабушка с дедушкой не связались с нами? Мы бы обучили тебя так, как того хотела бы Мирра.

Догадка осветила его лицо прежде, чем я ответила.

– Предатель, – пробормотал он.

– Мои бабушка с дедушкой не знали, кому можно доверять. И решили не доверять никому.

– И теперь они мертвы, твой брат в тюрьме, а ты хочешь нашей помощи, – Мэйзен снова сунул трубку в рот.

– Мы должны ей помочь, – Сана встала рядом со мной, положив руку на плечо. – Это наш долг. Она, как ты сказал, одна из наших людей.

Тэрик встал рядом с ней, и я заметила, что бойцы разделились на две группы. Одни, что стояли за спиной Мэйзена, были близки по возрасту к Кинану. Повстанцы, окружившие Сану, выглядели старше. Она – глава фракции, как сказал Тэрик. Теперь я поняла: Ополчение разделилось. Сана возглавляла старших бойцов. А Мэйзен, как она намекнула раньше, вел молодых – и заодно являлся абсолютным Лидером.

Многие из старших бойцов разглядывали меня, возможно, выискивая в моем лице мамины или папины черты. Я не винила их. Мои родители были величайшими лидерами Ополчения за всю его пятисотлетнюю историю. Затем их предал кто-то из своих. Их поймали, подвергли пыткам и казнили. А вместе с ними и мою сестру Лиз. Ополчение рухнуло и так и не оправилось.

– Если сын Львицы в беде, мы должны ему помочь, – Сана сказала это тем, кто собрался за ее спиной. – Сколько раз она спасала твою жизнь, Мэйзен? Сколько раз она спасала каждого из нас?

Внезапно все заговорили разом.

– Мы с Миррой устроили пожар в гарнизоне Империи...

– Она могла взглядом всю душу вынуть, истинная Львица...

– Однажды она сражалась с десятком наемников – и ни капли страха...

У меня имелись и свои истории. Она хотела бросить нас. Бросить своих детей ради Ополчения, но папа не позволял. Когда родители спорили, Лиз уводила нас с Дарином в лес и пела, чтобы мы не слышали их. Это мое первое сознательное воспоминание – Лиз, поющая для нас песни, пока в нескольких ярдах бушует Львица.

После того как родители оставили нас у Нэн и Поупа, я смогла успокоиться лишь спустя несколько недель, а потом привыкла жить с двумя людьми, которые, казалось, по-настоящему любили друг друга.

Обо всем этом я не стала говорить, лишь сцепила пальцы, пока бойцы рассказывали свои истории. Они хотели, чтобы я оказалась такой же смелой и обаятельной, как мама. Они хотели, чтобы я слушала, действительно слушала их, как это умел мой папа. Если бы они узнали, какая я на самом деле, то не думая вышвырнули бы меня отсюда. Ополчение не терпит слабости.

– Лайя, – Мэйзен повысил голос, и все замолчали. – У нас нет людей, чтобы ворваться в тюрьму меченосцев. Слишком велик риск.

Я не успела возразить, как Сана заговорила вместо меня.

– Львица сделала бы это ради тебя, ни секунды не колеблясь.

– Мы должны свергнуть Империю, – вмешался светловолосый мужчина, стоявший за спиной Мэйзена. – А не тратить время на спасение какого-то мальчишки.

– Мы своих не бросаем!

– Это нам придется бросаться в бой, – подхватил еще один из людей Мэйзена, – пока вы, старожилы, будете сидеть кружком и твердить об ответственности.

Тэрик вышел из-за спины Саны, лицо его потемнело.

– Ты имеешь в виду, пока мы составляем план операции и готовим все, чтобы вы, молодые дураки, не попали в засаду...

– Хватит! Достаточно! – Мэйзен поднял руки. Сана отодвинула Тэрика назад, и остальные бойцы смолкли. – Мы не решим этот вопрос, крича друг на друга. Кинан, найди Хайдера и приведи его в мою комнату. Сана, возьми Эрана и приходи с ним. Мы решим все между собой.

Сана спешно отошла, но Кинан не двинулся. Я вспыхнула под его взглядом, не зная, что сказать. Его глаза казались почти черными в тусклом свете пещеры.

– Сейчас я это вижу, – прошептал он, как будто сам себе. – Не могу поверить, что не заметил этого.

Кинан не мог знать моих родителей. Он выглядел ненамного старше меня. Я задумалась, как давно он в Ополчении. Но не успела спросить – Кинан быстро исчез в туннеле, и мне осталось лишь смотреть ему вслед.

Я заставила себя проглотить немного пищи, легла на твердые как камень нары и притворилась, что сплю. Спустя несколько часов, когда звезды уже погасли и взошло солнце, одна из дверей пещеры отворилась. Вошел Мэйзен, следом за ним – Кинан, Сана и два молодых человека.

Лидер Ополчения, хромая, подошел к столу, за которым сидел Тэрик, и подозвал меня жестом. Я пыталась прочесть что-либо по лицу Саны, когда приблизилась к ним, но ее выражение казалось нарочито лишенным всяких эмоций. Остальные бойцы собрались вокруг, не меньше меня желая узнать, какая меня ждет судьба.

– Лайя, – начал Мэйзен. – Кинан считает, что мы должны держать тебя в лагере. В безопасности.

Мэйзен сказал это с презрением. Тэрик косо посмотрел на Кинана.

– Здесь она причинит меньше проблем, – глаза рыжеволосого вспыхнули. – Побег ее брата будет стоить нам нескольких человек, хороших человек...

Под взглядом Мэйзена он осекся и замолчал. И хотя я не знала Кинана, меня поразило, что он так яростно выступает против меня. Что я ему сделала?

– Это будет стоить нам жизни нескольких хороших людей, – подтвердил Мэйзен. – Вот поэтому я решил, что если Лайя ищет нашей помощи, то ей придется дать нам что-нибудь взамен.

Бойцы обеих фракций посмотрели на своего лидера настороженно. Мэйзен повернулся ко мне:

– Мы поможем тебе, если ты поможешь нам.

– Что я могу сделать для Ополчения?

– Ты умеешь готовить, ведь так? – спросил Мэйзен. – Убираться? Делать прически, гладить одежду...

– Делать мыло, мыть посуду, торговать – да. Любая свободная женщина в Квартале книжников умеет это делать.

– Ты можешь еще и читать, – продолжил Мэйзен. Когда я начала отрицать, он покачал головой. – Будь прокляты законы Империи! Ты забыла, что я знаю твоих родителей.

– Как все это относится к помощи Ополчению?

– Мы вызволим твоего брата из тюрьмы, если ты станешь шпионить для нас.

На мгновение я замолчала, хотя почувствовала, как во мне вспыхнуло любопытство. Меньше всего я ожидала подобного предложения.

– И за кем я должна шпионить?

– За Комендантом Военной Академии Блэкклиф.

10: Элиас

На следующее утро после визита Пророка я приплелся в столовую как Кадет, страдающий от первого похмелья и проклинаящий слишком яркое солнце. Сон выдался недолгий, да и тот был омрачен кошмаром, что так часто являлся мне по ночам: я бреду через поле битвы, усеянное телами погибших. Кругом – зловоние. Во сне я кричу, потому что знаю – это моя вина, они пали от моей руки. Не самое лучшее начало дня. Особенно если это день выпуска.

Я столкнулся с Элен, когда она, Декс, Фарис и Тристас выходили из столовой. Она всучила мне твердое как камень печенье и, невзирая на мой протест, потащила меня за собой.

– Мы опаздываем. – Я едва слышал ее сквозь несмолкаемый бой барабанов, которые призывали всех выпускников явиться к оружейной, чтобы взять доспехи Маски на предстоящую церемонию.

– Деметриус и Леандр уже ушли. Элен тараторила о том, как это волнительно – облачиться в церемониальное снаряжение. Я слушал ее и других вполуха, кивая и поддакивая, когда нужно. Все это время я размышлял о том, что сказал мне Каин прошлой ночью. «Ты сбежишь. Покинешь Империю. Будешь жить. Но не найдешь утешения».

Верил ли я Пророку? Он мог и пытаться загнать меня в ловушку, надеясь, что пробив маской довольно долго, я решу, что солдатская жизнь лучше, чем изгнание. Я думал о том, как сияют глаза Коменданта, когда она бьет студентов, как дед хвастается количеством своих жертв. Они – моя родня. Их кровь течет во мне. Что, если жажда войны, славы, власти есть и во мне, просто я об этом еще не знаю? Смогу ли научиться со временем упиваться тем, что я – маска? Пророк читал мои мысли. Увидел ли он нечто злое во мне, чего я сам не вижу?

Каину, похоже, удалось убедить меня в том, что я не избегу этой судьбы, если дезертирую. «Все темное расцветет в твоем сердце, в тебе проснется то, что ты так ненавидишь – злоба, бесчеловечность, жестокость». Выбор у меня невелик: остаться и стать злом или сбежать и стать злом. Чудесно.

На полпути к оружейной Элен обратила внимание на мое молчание, отметив заодно помятую одежду и налитые кровью глаза.

– С тобой все в порядке? – спросила она.

– Все прекрасно.

– Ты выглядишь ужасно.

– Тяжелая ночка выдалась.

– Что случи...

Фарис, что шел впереди с Дексом и Тристасом, повернулся к нам.

– Оставь его, Аквилла. Все соки из него выжала. Пойдем в доки, чтобы отпраздновать немного пораньше, а, Витуриус?

Он хлопнул меня по плечу огромной, как лопата, рукой и засмеялся.

– Могли бы позвать еще кого-нибудь с нами.

– Не будь таким, ты отвратителен, – скривилась Элен.

– Не будь ханжой, – парировал Фарис.

Тут же завязался горячий спор между Элен, не одобряющей походы к проституткам, Фарисом, который перекрикивал ее, и Дексом, который утверждал, что покинуть территорию Академии ради того, чтобы сходить в бордель, не такое уж нарушение. Тристас показал на татуировку с именем его невесты и воздержался от высказываний. Сыпались взаимные оскорбления, при этом Элен поглядывала на меня. Она знала, что я не часто посещаю доки. Но я избегал ее взгляда. Она хотела объяснений, но с чего бы мне тогда пришлось начать? Понимаешь, Элен, я хотел завтра сбежать, но чертов Пророк явился, и сейчас...

Когда мы подошли к оружейной, откуда уже выходили курсанты, Фарис с Дексом растворились в толпе. Я никогда не видел Старших Мастеров такими... счастливыми. Предвкушая освобождение всего через несколько минут, все улыбались. Мастера, с которыми я едва общался, приветствовали меня, хлопали по спине, шутили.

– Элиас, Элен, – позвал нас Леандр. Как-то Элен сломала ему нос, и теперь он кривой. Рядом с ним стоял Деметриус, угрюмый как обычно. Я подумал, испытывал ли он хоть каплю радости сегодня. Или, может быть, просто облегчение, что покидает место, где младший брат умер на его глазах.

Завидев Элен, Леандр застенчиво пригладил свои кудрявые волосы, которые вечно торчали в разные стороны, как бы коротко он их ни стриг. Я попытался сдержать улыбку. Леандр влюблен в нее давным-давно, хотя притворяется, что нет.

– Оружейники уже называли ваши имена, – он кивнул за спину на два пакета с доспехами и оружием. – Мы взяли их для вас.

Элен потянулась к своему, словно вор за рубином. Посмотрела на свету на нарукавники, вслух восхищаясь тем, что символ Блэкклифа – алмаз – вбит в щит без малейшего зазора. Хорошо пригнанная броня, выкованная в Телуманской кузнице – старейшей в Империи, считается очень крепкой, способной выдержать все удары, кроме разве что самых лучших лезвий. Последний дар Блэкклифа своим выпускникам.

Надев доспехи, я вложил в ножны меч и кинжалы из серранской стали, изящные и острые как бритва, особенно по сравнению с тупым оружием, которое выдавали нам прежде. Последняя деталь – черный плащ, удерживаемый цепью. Полностью облачившись, я поднял глаза и поймал на себе взгляд Элен.

– Что? – спросил я.

Она смотрела так пристально, что я огляделся, решив, что надел доспехи задом наперед. Но все было в порядке. Когда я снова поднял глаза, она встала передо мной и поправила плащ, коснувшись длинными пальцами моей шеи.

– Он неровно сидел, – она надела свой шлем. – Как я выгляжу?

Если Пророки сделали броню для меня так, чтобы подчеркнуть силу моего тела, то доспехи Элен подчеркивали ее красоту.

– Ты выглядишь... – Как Богиня Войны. Как Джинн, явившийся, чтобы мы все преклонили колени. Небеса, что со мной не так? – Как маска, – просто сказал я.

Она рассмеялась по-девичьи залиvisto, нехотая привлекая внимание других студентов. Леандр тут же отвел глаза в сторону и виновато потер нос, когда я поймал его взгляд. Фарис улыбнулся и что-то прошептал Дексу, что смотрел оценивающе. С другого конца зала на нее уставился Зак, его лицо выражало смесь страстного желания и недоумения. Рядом с Заком я увидел Маркуса, который наблюдал, как его брат смотрит на Элен.

– Смотрите, парни, – воскликнул Маркус. – Сука в доспехах.

Я наполовину вынул меч, когда Элен остановила меня, сверкнув глазами. Это моя схватка. Не твоя.

– Пошел к черту, Маркус! – Элен нашла свой плащ, который лежал в нескольких футах от нее, и накинула на плечи. Змей приблизился к ней, скользнул взглядом по телу. Его лицо красноречиво говорило о его мыслях.

– Доспехи не идут тебе, Аквилла, – сказал он. – Я бы предпочел тебя в платье. Или вообще без одежды.

Он поднял руку к ее волосам, нежно намотал на палец выбившийся локон и затем неожиданно и сильно дернул, притягивая ее лицо к своему.

Я не сразу осознал, что рычание, разорвавшее воздух, исходило от меня. Я ринулся на Маркуса с кулаками, но двое его подхалимов, Тадиус и Джулиус, схватили меня буквально в футах от него и завернули руки за спину. В ту же секунду ко мне подскочил Деметриус, захватив острым локтем в лицо Тадиусу. Но Джулиус пнул Деметриуса по спине, и тот упал. Затем блеснуло серебро – Элен выхватила ножи, приставив один к шее Маркуса, а второй – к его паху.

– Руки прочь от моих волос, – приказала она. – А не то я избавлю тебя от мужского достоинства.

Маркус отпустил белоснежный локон и что-то прошептал ей на ухо. И в тот же миг ее уверенность куда-то испарилась. Рука, державшая нож у горла Маркуса, безвольно опустилась, а тот обхватил ее лицо ладонями и поцеловал.

В этот момент меня охватило такое отвращение, что едва не вывернуло. Затем раздался сдавленный крик Элен, и я высвободился из рук Тадиуса и Джулиуса. В следующий миг я оставил их позади, оттолкнул Маркуса от Элен и стал наносить удар за ударом по его лицу.

Я бил Маркуса, а он смеялся, Элен же с остервенением вытирала губы. Леандр пытался оттеснить меня за плечи – тоже рвался к Змею. За спиной Деметриус уже поднялся на ноги и снова бросился в драку с Джулиусом, но тот взял верх, прижав голову моего друга к земле. Тогда из толпы вылетел Фарис, своим гигантским телом он обрушился на Джулиуса и сбил с ног, точно бык, сшибающий забор. Я заметил татуировку Тристана и смуглую кожу Декса.

Начался полный хаос.

Затем кто-то прошипел: «Комендант!» Фарис и Джулиус, шатаясь, встали на ноги, я оторвался от Маркуса, а Элен перестала тереть свое лицо.

Змей поднимался медленно, под глазами у него наливались синяки. Моя мать шла сквозь толпу Мастеров напрямиком ко мне и Элен.

– Витуриус, Аквилла, – она выплюнула наши имена, будто гнилой фрукт. – Объяснитесь.

– Нет объяснений, Комендант, сэр, – произнесли мы с Элен в унисон.

Я смотрел мимо нее, как и был приучен, и ее холодный взгляд сверлил меня словно тупой нож. Маркус ухмыльнулся, стоя за спиной Коменданта, и я стиснул челюсти. Если Элен высекут за его развратную выходку, я не сбегу лишь за тем, убить Змея.

– Восьмичасовой колокол через несколько минут, – Комендант обвела взглядом остальных студентов, что стояли у оружейной. – Приведите себя в порядок и явитесь к амфитеатру. Еще один подобный инцидент – и все его участники немедленно отправятся в Кауф. Ясно?

– Да, сэр!

Мастера тихо разошлись. В тюрьме Кауф, расположенной далеко на севере, мы все, будучи пятикурсниками, проходили шестимесячную тренировку в качестве стражников. Никто из нас не захотел бы рискнуть и оказаться там, тем более за такую глупость, как драка в день выпускного.

– С тобой все в порядке? – спросил я Элен, когда Комендант отошла и нас больше не слышала.

– Мне хочется оторвать свое лицо и поменять на другое, которого никогда не касалась эта свинья.

– Тебе просто нужно, чтобы кто-то другой тебя поцеловал, вот и все, – выпалил я прежде, чем понял, как это звучит. – Нет... Не то чтобы я предлагаю себя... Я имею в виду...

– Да поняла я, – Элен закатила глаза, стиснув челюсти, и я пожалел о своих словах про поцелуй. – Кстати, спасибо, что отлупил его.

– Я бы вообще убил его, если бы Комендант не появилась.

Ее глаза потеплели, когда она посмотрела на меня. Только я хотел спросить, что Маркус шепнул ей на ухо, как мимо нас прошел Зак. Взмахнув темными волосами, он остановился рядом с нами, собираясь что-то сказать. Но я посмотрел на него убийственным взглядом, и, потоптавшись пару секунд, он отвернулся.

Спустя несколько минут мы с Элен присоединились к Старшим Мастерам, которые выстроились вдоль входа в амфитеатр. Драка у оружейной забылась. Мы прошествовали под аплодисменты семей, курсантов, городских властей, эмиссаров Императора и почетного караула, состоящего почти из двухсот легионеров.

Я посмотрел в глаза Элен и увидел в них отражение собственного изумления. Казалось чем-то нереальным находиться здесь, на поле, а не наблюдать с трибун, сгорая от зависти.

Над головой синело небо, ясное и чистое, ни единого облачка от горизонта до горизонта. Поверху амфитеатр украшали флаги: красно-золотое знамя династии Тайа хлопало на ветру рядом с черным в ромб знаменем Блэкклифа.

Мой дед, Генерал Квин Витуриус, глава клана Витуриа, сидел в затененной ложе в переднем ряду. Вокруг него собрались с полсотни его ближайших родственников – братья, сестры, племянницы и племянники. Мне даже не надо смотреть в его глаза – и так понятно, что он оценивал мой вид, проверял угол меча, смотрел, как сидят на мне доспехи.

После того как я попал в Блэкклиф, дед только взглянул в мои глаза, как сразу узнал в них дочь. Он принял меня в свой дом тогда, когда мать отказалась принять в свой. Вне всякого сомнения, она кипела от ярости, узнав, что я выжил,

что ей не удалось избавиться от меня.

Я проводил все каникулы, тренируясь с дедом, терпеливо перенося побои и жесткую дисциплину, получая в то же время явное преимущество перед сверстниками. Он знал, что оно мне понадобится. Мало кто из студентов имел сомнительное происхождение, и уж точно не было ни одного, кто бы воспитывался кочевниками. Оба этих обстоятельства делали меня объектом любопытства и насмешек. Но если кто-то осмеливался обращаться со мной неподобающим образом из-за моего происхождения, дед быстро ставил их на место, обычно при помощи меча, чему и меня вскоре научил. Он мог быть таким же бессердечным, как его дочь, но он – единственный мой родственник, который относился ко мне как к родному.

Хотя это и не предписано правилами, я поднял руку в знак приветствия, проходя мимо него, и порадовался, что он кивнул мне в ответ.

После серии показательных упражнений курсанты промаршировали к деревянным скамьям в центре поля, вынули мечи и подняли их над головами. По рядам прокатился негромкий гул, который постепенно нарастая превратился в такой шум, словно на амфитеатр обрушилась гроза. Это другие курсанты Блэкклифа стучали по каменным сиденьям и ревели, гордясь и завидуя.

Рядом со мной стояли Элен и Леандр и оба улыбались. Но среди этого шума я будто погрузился в тишину. Странную тишину, одновременно мизерную и необъятную, и я словно заперт внутри нее, терзаемый вопросом: должен ли я бежать? Должен ли дезертировать? До меня донесся голос, далекий, будто из-под толщи воды. Это Комендант приказывала нам вернуть клинки в ножны и сесть. С помоста она произнесла краткую речь, и когда пришло время присягнуть Империи, я поднялся лишь потому, что встали все остальные вокруг меня. Остаться или бежать? Остаться или бежать?

Я шевелил губами вместе с другими выпускниками, когда они клялись плотью и кровью быть преданными Империи. После прощальных слов Коменданты новоиспеченные маски разразились криками неприкрытого облегчения и выдернули меня из раздумий. Фарис сорвал свою школьную бирку и подбросил ее высоко в небо, за ним повторили все остальные. Наши бирки взлетели в воздух, ловя солнечные лучи, словно стая серебряных птиц.

Семьи стали выкрикивать имена своих выпускников. Родители и сестры Элен прокричали: «Аквилла!» Семья Фариса позвала: «Кандилан!» Я услышал: «Виссан!», «Галериус!» И затем раздался голос, заглушивший остальные: «Витуриус! Витуриус!» Дед стоял в своей ложе, окруженный остальной семьей, показывая всем и каждому, что сын одной из самых влиятельных семей Империи сегодня стал выпускником.

Я нашел его глаза, и на этот раз вместо привычного осуждения в них светилась неприкрытая гордость. Он улыбнулся мне, сверкнув волчьим оскалом, таким белым на фоне серебра маски. Я тоже невольно улыбнулся ему, но затем меня охватило смущение. Я отвел глаза. Ему будет не до улыбок, если я дезертирую.

– Элиас! – Элен обвила меня руками, глаза ее сияли. – Мы сделали это! Мы...

И тут мы оба заметили Пророков. Ее руки опустились. Раньше мне никогда не доводилось видеть четырнадцать святых разом. Внутри сразу все сжалось. Почему они здесь?

Они откинули свои капюшоны, обнажив пугающе неподвижные лица, и вслед за Каином прошли по траве и встали полукругом у помоста Коменданта.

Возгласы публики утихли, гул недоумения наполнил амфитеатр. Моя мать не сводила с них взгляда, ее пальцы покоились на рукояти меча.

Каин поднял руку, призывая к тишине, и через несколько секунд толпа умолкла. С моего места он казался причудливым призраком, хрупким и мертвенно-бледным. Но когда Каин заговорил, его голос, ясно слышимый в любой точке амфитеатра, поразил своей силой так, что все присели.

– Из закаленных в битвах юных бойцов поднимется Предреченный, Величайший Император, – проговорил он, – гроза наших врагов, всесокрушающий предводитель народа. Империя должна быть единой. Так предсказали Пророки пять столетий назад, когда мы возложили камни, принесенные с дрожащей земли, чтобы построить эту Академию. Настало время сбыться предсказанию. Линия Императора Таиуса Двадцать Первого скоро прервется.

В толпе прокатился ропот. Если кто-нибудь, кроме Пророка, осмелился бы сказать такое об Императоре, его бы уже убили. Легионеры роты почетного

караула оцетинились, вцепились в оружие, но Каин лишь взглянул на них, и те сразу присмирели, словно стая испуганных собак.

– Таиус Двадцать Первый не имеет наследника по мужской линии, – продолжил Каин. – После его смерти Империя падет, если не будет избран новый Император Завоеватель. Таиус Первый, Основатель нашей Империи и Прародитель династии Таи, был прекрасным бойцом в свое время. Он прошел испытания и закалился прежде, чем стал править. Народ Империи ждет не меньшего от нового правителя.

О небеса! Тристан за спиной торжествующе ткнул локтем Декса, который стоял, открыв рот. Мы знали, что дальше скажет Каин. Но я до последнего не верил в то, что затем услышал.

– Таким образом, настало время для Испытаний.

Амфитеатр взорвался от криков. По крайней мере, звук был такой, словно прогремел взрыв, потому что я никогда не слышал ничего громче. Тристан взревел, обращаясь к Дексу, который выглядел так, словно его ударили по голове молотом:

– Я говорил тебе!

Леандер кричал:

– Кто? Кто?

Маркус самодовольно усмехался, отчего мне вновь жутко захотелось заколоть его. Элен закрыла рот рукой, ее глаза комично расширились, будто она проглотила слова. Рука Каина поднялась раз, другой, и в толпе повисла мертвая тишина.

– Испытания выпали на вас, – вновь заговорил он. – Чтобы обеспечить будущее Империи, новый Император должен быть чрезвычайно сильным, каким был Таиус, когда вступил на престол. Таким образом, мы обращаемся к нашим закаленным в боях юным бойцам, нашим новым маскам. Но не все смогут побороться за эту честь. Этого достойны только самые лучшие и самые сильные

из вашего выпуска. Только четверо. Из этих четверых Претендентов один будет назван Предреченным Императором. Еще один даст клятву верности и будет служить Империи как Кровавый Сорокопут. Остальные двое погибнут, как листья на ветру. Такое мы тоже уже видели.

Кровь застучала у меня в ушах.

– Элиас Витуриус, Маркус Фаррар, Элен Аквилла, Закариус Фаррар, – он выкрикнул наши имена, соблюдая порядок нашего рейтинга. – Поднимитесь и выйдите вперед.

В амфитеатре воцарилось гробовая тишина. Я стоял оцепенев, прячась от любопытных взглядов сокурсников. На лице Маркуса – ликование. На лице Зака – нерешительность. Поле боя – мой храм. Острие меча – мой пастырь...

Элен вытянулась в струнку и смотрела то на меня, то на Каина, то на Коменданта. Сначала я подумал, что она напугана. Затем увидел блеск в ее глазах и пружинистую походку.

Когда мы с Элен были пятикурсниками, на нас напали варвары и взяли в плен. Меня скрутили как ягненка на заклатие, а вот руки Элен связали спереди бечевкой и усадили на спину пони, не ожидая от нее опасности. Ночью она задушила той самой бечевкой троих наших тюремщиков и сломала шею остальным троим голыми руками.

– Они всегда недооценивают меня, – произнесла она тогда несколько озадаченно. И, конечно, была права. Эту ошибку совершил и я. Элен вовсе не испугалась. Она впала в эйфорию. Она хотела этого.

Путь до помоста оказался слишком короток. Несколько секунд – и я уже стоял напротив Каина вместе с другими Претендентами.

– Быть избранным Претендентом для Испытаний – великая честь, какую только может оказать Империя, – Каин посмотрел на каждого из нас, но, по-моему, на мне его взгляд задержался дольше, чем на других. – За столь великую милость Пророки требуют от вас дать клятву, что, будучи Претендентами, вы пройдете все Испытания, пока не будет названо имя Императора. Наказанием за нарушение клятвы будет смерть. Вы не должны принимать эту клятву

легкомысленно, – предостерег Каин. – Если желаете, можете развернуться и покинуть этот помост. Вы останетесь маской со всеми почестями и уважением, полагающимися к этому титулу. На ваше место будет избран другой. В конце концов, это ваш выбор.

Ваш выбор. Эти два слова потрясли меня до самой глубины души. Завтра тебе придется сделать выбор. Между долгом и дезертирством. Между попыткой сбежать от судьбы и решением встретиться с ней лицом к лицу.

Каин имел в виду вовсе не долг маски. Он хотел, чтобы я выбирал между Испытаниями и дезертирством. Хитрый красноглазый дьявол. Я хотел освободиться от Империи. Но как я могу стать свободным, если приму участие в Испытаниях? Если я выиграю и буду назван Императором, то останусь связанным с Империей на всю жизнь. А если присягну на верность, буду прикован к Императору как Кровавый Сорокопут. Или же стану листом на ветру, как витиевато выразился о смерти Пророк.

Откажись, Элиас. Беги. Завтра к этому времени ты будешь за много миль отсюда.

Каин посмотрел на Маркуса. Голова Пророка склонилась, будто он прислушивался к чему-то, что лежало за пределами нашего понимания.

– Маркус Фаррар. Ты готов, – это прозвучало не как вопрос.

Маркус встал на колени, обнажил свой меч и протянул его Пророку. Его глаза сверкали странным ликованием и воодушевлением, как будто он уже был назван Императором.

– Повторяй за мной, – велел Каин. – Я, Маркус Фаррар, клянусь плотью и кровью, своей честью и честью клана Фаррар, что посвящу себя Испытаниям, что пройду их, пока имя Императора не будет названо, или пусть мое тело остынет.

Маркус повторил клятву. Его голос эхом разлился в мертвой тишине амфитеатра. Каин прижал руку Маркуса к лезвию меча и сдавил, пока из его ладони не закапала кровь. Потом преклонила колени Элен и протянула свой меч, повторяя клятву. Ее голос лился чисто и звонко, словно звон колокола на рассвете. После Элен Пророк повернулся к Заку, который долгим взглядом

посмотрел на брата, затем кивнул и принял клятву.

Внезапно я остался последним из четырех Претендентов, кто до сих пор не преклонил колени. Передо мной стоял Каин, ожидая моего решения. Как и Зак, я колебался. Вновь вспомнились слова Каина: «Твой образ вплетен в каждый сон, как серебряная нить в ковер ночи». Значит, моя судьба стать Императором? Как такая судьба может привести к свободе? Я не имел ни малейшего желания править Империей – сама мысль отталкивала меня. Но теперь мое будущее в случае побега тоже не привлекало меня. «В тебе проснется то, что ты так ненавидишь – злоба, беспощадность, жестокость». Можно ли верить Каину и его словам, что я обрету свободу, если приму Испытания?

В Блэкклифе мы привыкли разделять людей: граждане, бойцы, враги, союзники, доносчики, перебежчики. Исходя из этого мы решали, каким будет наш следующий шаг. Но я совсем не понимал Пророка. Я не знал его мотивов и желаний. Единственное, что у меня было – мой инстинкт, который говорил, что по крайней мере в этом случае Каин не лжет. Правдиво его предсказание или нет, но сам он в него точно верит. И поскольку мое чутье призывало верить ему, пусть и не охотно, следовало принять единственное решение, которое имело смысл. Не сводя взгляда с Каина, я преклонил колени, обнажил меч и пустил кровь из ладони, окропив помост красным.

– Я, Элиас Витуриус, клянусь кровью и плотью...

11: Лайя

Комендант военной Академии Блэкклифа.

Мое любопытство по поводу шпионской миссии тут же угасло. В Блэкклифе Империя обучает масок, подобных тому, кто убил мою семью и забрал Дарина. Академия – скопление строгих зданий, окруженных черной гранитной стеной, – раскинулась на вершине восточных скал Серры как гигантский стервятник. Никто не знал, что происходит за той стеной, как обучаются маски, сколько их, как происходит отбор курсантов. Каждый год Блэкклиф выпускает новый отряд масок – молодых, жестоких, несущих смертельную угрозу. Для книжника, а особенно для девушки Блэкклиф – самое опасное место в городе.

Мэйзен продолжил:

– Она осталась без личной рабыни...

– Девушка бросилась с утеса неделю назад, – вмешался Кинан, не замечая взгляд Мэйзена. – Это уже третья рабыня Коменданта, погибшая в этом году.

– Тихо, – пресек его Мэйзен. – Я не стану тебе лгать, Лайя. Женщина она неприятная...

– Она безумна! – перебил Кинан. – Они зовут ее Сукой из Блэкклифа. Ты там не выживешь. Миссия обречена на провал.

Мэйзен ударил кулаком по столу, но Кинан не дрогнул.

– Если не можешь держать рот закрытым, – прорычал лидер Ополчения, – выйди вон.

У Тэрика, что смотрел на них обоих, отвисла челюсть. Сана тем временем не сводила с Кинана задумчивого взгляда. Другие в пещере тоже смотрели на них, и у меня возникло чувство, что Кинан и Мэйзен часто спорят меж собой.

Кинан с грохотом выдвинул стул, вышел из-за стола и удалился под ропот людей, толпящихся за спиной Мэйзена.

– Ты прекрасно подходишь для этой работы, Лайя, – сказал Мэйзен. – У тебя есть все навыки, которые требуются домашней рабыне. Комендант сочтет, что ты неграмотна. А у нас есть возможность устроить тебя туда.

– Что случится, если меня поймают?

– Ты умрешь, – Мэйзен посмотрел мне прямо в глаза, и я даже ощутила горькую признательность за эту честность. – Всех шпионов, которых мы посылали в Блэкклиф, раскрыли и убили. Это задание не для трусов.

Я чуть не рассмеялась. Он выбрал для этого наихудшего человека.

- Вы не очень-то стараетесь уговорить меня.

- Мне не нужно тебя уговаривать, - сказал Мэйзен. - Мы можем найти твоего брата и освободить его. А ты можешь стать нашими глазами и ушами в Блэкклифе. Это простой обмен.

- И вы доверяете мне? - спросила я. - Вы едва меня знаете.

- Я знал твоих родителей. Мне этого достаточно.

- Мэйзен, - вмешался Тэрик. - Она еще совсем девочка. Конечно, нам не надо...

- Она сослалась на Иззат, - перебил Мэйзен. - Но Иззат значит нечто большее, чем свобода. Он значит больше, чем честь. Он значит мужество. Иззат - это доказательство того, кто ты есть.

- Он прав, - согласилась я.

Если Ополчение собирается мне помочь, я не могу позволить бойцам считать себя слабой. Боковым зрением я уловила красный отблеск и посмотрела в дальний конец пещеры, откуда Кинан наблюдал за мной, привалившись к нарам. Его волосы сияли как пламя в свете факелов. Он не хотел, чтобы я отправлялась на это задание, потому что не хотел рисковать людьми ради спасения Дарина. Я коснулась браслета. Будь смелой, Лайя. Я повернулась к Мэйзену.

- Если я сделаю это, вы найдете Дарина? Вы освободите его из тюрьмы?

- Я дал тебе слово. Найти его будет нетрудно. Он не лидер Ополчения, поэтому его не отправят в Кауф.

Мэйзен фыркнул, но от упоминания о печально известной северной тюрьме по телу пробежал озноб. Во время допросов в Кауфе добивались лишь одного: заставить пленного страдать как можно сильнее перед смертью. Мои родители погибли в Кауфе. Моя сестра, а ей тогда было всего двенадцать, тоже там умерла.

– К тому времени, как ты отправишь свой первый отчет, – продолжил Мэйзен, – я смогу сообщить тебе, где находится Дарин. Когда твое задание будет выполнено, мы освободим его.

– А потом?

– Мы снимем с тебя рабские браслеты и вызволим из Академии. Обставим все как самоубийство, чтобы тебя не разыскивали. Если пожелаешь, сможешь вступить в наши ряды. Или же переправим вас обоих в Маринию.

Мариния. Свободная земля.

Чем бы я только не пожертвовала, чтобы сбежать вместе с Дарином туда, где нет меченосцев, масок, Империи. Но сперва я должна выполнить шпионскую миссию и выжить. Я должна выжить в Блэкклифе.

Кинан покачал головой, но бойцы, что окружали меня, кивнули. Это Иззат, говорили они.

Я замолчала, будто размышляя, хотя приняла решение сразу, как поняла, что отправиться в Блэкклиф – это единственный способ вернуть Дарина.

– Я согласна.

– Хорошо, – Мэйзен не выглядел удивленным. Подумалось даже, неужели он заранее знал, что я соглашусь? Он заговорил громче, чтобы слышали все. – Кинан будет тебя инструктировать.

Лицо молодого человека стало еще мрачнее, если такое вообще возможно. Он сжал губы, будто не хотел разговаривать.

– У нее руки и ноги изрезаны, – заметил Мэйзен. – Обработай ее раны, Кинан, и расскажи все, что ей понадобится знать. Она уходит в Блэкклиф сегодня вечером.

Мэйзен вышел, сопровождаемый членами своей фракции. Тэрик потрепал меня по плечу и пожелал удачи. Его союзники засыпали меня советами: никогда не надейся на своего инструктора. Не доверяй никому.

Они всего лишь хотели помочь, но это давило, и когда Кинан растолкал толпу, чтобы забрать меня, я испытала нечто сродни облегчению. Он кивнул головой в сторону стола в углу пещеры и направился туда, не дожидаясь меня.

Яркий свет, который освещал стол, лился из небольшой трещины в скале. Кинан наполнил миски водой и порошком, в котором я опознала танин. Одну он поставил на столешницу, вторую – на пол. Я почистила руки и ноги и сморщилась, когда танин проник в порезы – отметины, оставшиеся после катакомб.

Кинан наблюдал молча. Под его пристальным взглядом я почувствовала себя неловко, особенно от того, что вода так быстро стала черной от грязи. Потом разозлилась на себя за свой стыд.

Затем Кинан сел за стол напротив меня и взял мои руки. Я ожидала, что его руки окажутся грубыми, но они хоть и не были нежными, но и грубыми их не назвать. Пока он рассматривал мои порезы, я перебирала в голове десятки вопросов, которые хотела задать ему. Но все они не позволили бы ему счесть меня сильной и способной, скорее он подумал бы, что я – беспомощное дитя. Почему ты ненавидишь меня? Что я тебе сделала?

– Тебе не нужно было соглашаться... – Он сосредоточил все внимание на моих ранах, втирая обезболивающую мазь в один из глубоких порезов. – ...на это задание.

Ты это уже и так ясно показал, болван.

– Я не предаю Мэйзена. Я сделаю то, что должна.

– Уверен, что ты попытаешься.

Меня ужалила его резкая прямота, хотя и было очевидно, что у него нет никакой веры в меня.

– Эта женщина беспощадна. Последний человек, которого мы отправили туда...

– Думаешь, я горю желанием шпионить за ней? – вскипела я.

Кинан с удивлением поднял на меня глаза.

– У меня просто нет выбора, если я хочу спасти единственного родного человека, который у меня остался. Поэтому... – За молчи, мне хотелось сказать. – Не усложняй все еще больше.

Что-то вроде смущения промелькнуло в его лице, и презрения в его взгляде по уменьшилось.

– Извини, – сказал Кинан неохотно, но даже такое извинение лучше, чем совсем никакое. Я порывисто кивнула, подметив в то же время, что его глаза не голубые и не зеленые, а насыщенно-карие.

Ты увидела его глаза, Лайя. А значит, ты в них смотришь. А значит, ты должна прекратить в них смотреть. Запах мази щипал ноздри, и я сморщила нос.

– Это чертополох? – спросила я.

Он пожал плечами, и я взяла из его рук бутылки и еще раз понюхала.

– В следующий раз попробуйте лимонник. По крайней мере, он не пахнет как козий навоз.

Кинан взметнул огненную бровь, обматывая мне руку марлей.

– Ты разбираешься в лекарствах? Полезное умение. Твои дедушка с бабушкой были лекарями?

– Дедушка. – Было больно говорить о Поупе, и я надолго умолкла, потом продолжила: – Он взялся учить меня по-настоящему всего полтора года назад. А до этого я просто смешивала лекарства для него.

– Тебе нравится это дело? Лечить?

– Это просто работа. – Большинство книжников, кого не увели в рабство, становятся чернорабочими: батраками, уборщиками или портовыми грузчиками –

каторжный труд за жалкие гроши. – И мне с ней повезло. Хотя когда я была маленькой, я мечтала стать жрицей.

Губы Кинана тронула слабая улыбка. Казалось бы, мелочь, но все лицо его вмиг преобразилось, и на душе от этого стало легче.

– Сказочницей племени кочевников? – спросил он. – Только не говори, что ты веришь в мифы о джиннах, ифритах и духах, что крадут детей по ночам.

– Нет. – Я вспомнила облаву. Затем маску. И вся легкость тотчас испарилась. – Мне не нужно верить в сверхъестественное. Особенно сейчас, когда наяву все хуже, чем в кошмарных снах.

Кинан замер. Подняв глаза, я посмотрела на него, удивленная столь внезапной неподвижностью. У меня сбилось дыхание от той муки, что обнажилась в его взгляде, от горечи, что говорила о том, как знакома ему эта боль. Выходит, и ему выпала такая же тяжкая участь. А может, и хуже. Затем выражение его лица вновь стало отстраненным, а руки продолжили работу.

– Верно, – согласился он. – Слушай внимательно. Сегодня в Блэклифе был день выпуска. Но мы только что узнали, что в этом году церемония проходит по-другому. Будет нечто особенное.

Он рассказал мне об Испытаниях и четырех Претендентах. Затем изложил суть моего задания.

– Нам нужно разузнать три вещи: какие будут Испытания, где они проходят и когда. Причем нам надо это узнать до того, как они начнутся, а не после.

В голове роились десятки вопросов, но я ни о чем не спросила, боясь, что он сочтет меня совсем глупой.

– Как долго я буду в Академии?

Кинан пожал плечами и закончил бинтовать мои руки.

– Мы почти ничего не знаем об Испытаниях, – сказал он. – Но трудно представить, что это займет больше нескольких недель, самое большее – месяц.

– Думаете, Дарин продержится так долго?

Кинан не ответил.

Спустя несколько часов, на исходе дня, мы с Кинаном и Саной оказались в доме пожилого кочевника в Квартале чужестранцев. Облаченный в просторные одежды, он больше походил на доброго дядюшку, чем на посредника Ополчения. Когда Сана объяснила, что от него требуется, он оглядел меня, скрестив руки на груди.

– Категорически нет, – сказал он с сильным серранским акцентом. – Комендант съест ее живьем.

Кинан бросил на Сану многозначительный взгляд, словно говоря: ну а что вы ожидали?

– Со всем уважением, – обратилась Сана к кочевнику, – могли бы мы...

Она жестом указала на решетчатую дверь, и оба скрылись в другой комнате. Сана говорила слишком тихо, и я не могла расслышать ее слов, но что бы это ни было, похоже, оно не работало. Даже через решетку я видела, как кочевник качал головой.

– Он не согласится, – сказала я.

Кинан, стоящий рядом со мной, привалился к стене с равнодушным видом.

– Сана убедит его. Она ведь не просто так лидер фракции.

– Мне бы хотелось сделать что-нибудь...

– Постарайся выглядеть немного смелее.

– Что, как ты?

Я попыталась придать лицу отрешенное выражение, в котором эмоций было не больше, чем в приваленных к стене листах шифера, и устремила взгляд вдаль. Кинан коротко улыбнулся и словно помолодел на годы.

Я потеряла босой ногой расстеленный на полу густой ковер с гипнотическими узорами. Повсюду были разбросаны подушки, расшитые крохотными зеркалами. Лампы с разноцветными стеклышками свисали с крыши, ловя последние лучи солнца.

– Мы с Дарином как-то пришли в такой же дом продать джем Нэн, – я дотянулась и потрогала одну из ламп. – Я спросила его, почему у кочевников всюду зеркала, и он сказал...

Воспоминания, острые и свежие, пронзили сознание. Боль за брата, за бабушку и бабушку забила в груди с такой неистовой силой, что я закрыла рот.

Кочевники считают, что зеркала отражают зло, сказал Дарин в тот день. Он достал свой альбом и, пока мы ждали торговца кочевника, начал рисовать угольком, искусно передавая сложное плетение решетки и фонарей маленькими быстрыми штрихами. Очевидно, джинны и духи не могут выносить собственного вида. После этого я задавала брату еще множество вопросов, и он на все отвечал с обычной спокойной уверенностью.

Порой я удивлялась, откуда он так много знает. И только сейчас поняла – Дарин всегда слушал больше, чем говорил, наблюдал, запоминал, учил. Так же, как делал Поуп. Боль в груди стала невыносимой, и в глазах внезапно горячо защипало.

– Со временем станет легче, – проговорил Кинан. Я подняла глаза и увидела, что в его лице отразилась печаль, но почти тут же ее вытеснило знакомое холодное выражение. – Ты никогда их не забудешь, даже когда пройдут годы. Но однажды ты сможешь целую минуту прожить без боли. Затем – час. День. На самом деле это все, чего ты можешь желать. Затем тихо добавил. – Ты исцелишься. Обещаю.

Кинан отвел глаза в сторону, снова отстраненный и далекий, но я все равно чувствовала благодарность, потому что впервые после облавы ощутила себя менее одинокой. Спустя секунду Сана с кочевником показались из-за решетки.

- Ты уверена, что тебе это надо? – спросил меня кочевник.

Я кивнула, боясь, что голосом выдам страх.

Он вздохнул.

- Ну что ж, – он повернулся к Сане и Кинану. – Прощайтесь. Если отправимся с ней сейчас, то она успеет попасть в Академию до темноты.

- С тобой будет все в порядке, – Сана слегка обняла меня. Кого она пытается убедить, себя или меня, подумала я. – Ты – дочь Львицы. А Львица могла вынести что угодно.

Пока не погибла. Я опустила глаза, чтобы Сана не смогла прочесть моих сомнений. Она направилась к двери, и ко мне подошел Кинан. Я скрестила руки на груди, чтобы он не подумал, что мне нужны и его объятия. Но он не стал касаться меня. Только вздернул голову и прижал кулак к сердцу – приветствие Ополчения.

- Лучше смерть, чем тирания, – сказал он и вышел.

* * *

Спустя полчаса на Серру опустились сумерки. Я быстро шла за кочевником через Торговый квартал, где обитали самые зажиточные торговцы племени меченосцев. Мы остановились перед коваными узорчатыми воротами дома работорговца. Кочевник проверил мои кандалы. Его темный наряд тихо шелестел при каждом движении, пока он осматривал меня. Я сжала руки, чтобы унять дрожь, но кочевник мягко расцепил пальцы.

- Работорговцы ловят лжецов, как пауки мух, – сказал он. – Бояться – это хорошо. Страх делает твою историю правдоподобной. И помни: ты должна молчать.

Я энергично кивнула. Даже если бы мне и захотелось что-нибудь сказать, то вряд ли бы удалось – я была слишком напугана.

Этот работорговец – поставщик душ в Блэкклиф, как объяснил мне Кинан, пока мы шли к дому кочевника. Нашему посреднику понадобился не один месяц, чтобы завоевать его доверие. Если он не возьмет тебя для Коменданта, задание будет провалено, так и не начавшись.

Нас проводили во двор, и чуть позже работорговец уже расхаживал вокруг меня, истекая потом от жары. Он был такой же высокий, как кочевник, но в два раза толще. Его пузо выдавалось вперед так, что пуговицы едва держались в петлях его золотой парчовой рубашки.

– Неплохо. – Он щелкнул пальцами, и девушка-рабыня появилась из недр его особняка с подносом и напитками. Работорговец опрокинул одну чашу, намеренно не предложив ничего кочевнику. – В борделе за нее хорошо заплатят.

– Как за шлюху с нее не получить больше сотни марок, – возразил кочевник. Его переливчатый голос обволакивал. – А мне нужно двести.

Работорговец фыркнул, и мне захотелось придушить его за это. Во дворах соседних домов били подсвеченные фонтаны, сновали рабы-книжники. Дом этого толстяка являл собой нагромождение арок, колонн и внутренних двориков. Двести серебряных для него – капля в море. Он наверняка заплатил гораздо больше за гипсовых львов, восседавших по обеим сторонам от входной двери.

– Я надеялся продать ее как домашнюю рабыню, – продолжил кочевник. – Я слышал, ты ищешь такую.

– Да, – признал работорговец. – Комендант наседает на меня вот уже несколько дней. Ведьма продолжает убивать девочек. Нрав у нее как у гадюки.

Работорговец разглядывал меня, словно фермер теленка, и я задержала дыхание. Затем он покачал головой.

– Она слишком мала, слишком юна и слишком красива. Она не продержится и недели в Блэкклифе, а искать ей замену – это новые хлопоты, мне они не нужны.

Я дам тебе за нее сотню и продам Мадам Мох, что в доках.

Капельки пота стекали по лицу кочевника, хотя внешне оно казалось спокойным. Мэйзен велел ему сделать что угодно, лишь бы доставить меня в Блэклиф. Но если бы он сразу сбросил цену, работорговец мог заподозрить неладное. Если все же он продаст меня в бордель, неизвестно, как быстро Ополчение сможет меня оттуда выволить. Если же он вообще меня не продаст, мои попытки спасти Дарина пойдут прахом. «Сделай что-нибудь, Лайя, – Дарин снова побуждал меня набраться мужества. – Или я умру».

– Я хорошо глажу одежду, господин, – выпалила я прежде, чем смогла обдумать свои слова.

Кочевник открыл рот, а работорговец посмотрел на меня как на крысу, которая вдруг начала жонглировать.

– И я... я умею готовить. И убираться, и делать прически, – я перешла на шепот. – Я буду... буду хорошей служанкой.

Работорговец осмотрел меня с ног до головы, и я пожалела, что посмела заговорить. Затем его глаза сверкнули хитрым, почти довольным блеском.

– Боишься стать шлюхой, девочка? Не понимаю почему. Это вполне честное ремесло.

Он снова обошел меня, вздернул мой подбородок, пока я смотрела в его зеленые, как у рептилии, глаза.

– Говоришь, умеешь делать прически и гладить одежду? А на рынке сможешь справиться сама?

– Да, сэр.

– Читать ты, конечно, не умеешь. А считать?

Разумеется, я могу и считать, и читать, жирный боров.

– Да, сэр, я могу считать.

– Она должна научиться держать язык за зубами. И придется ее привести в порядок, я вычту это из ее стоимости. Нельзя везти ее в Блэкклиф, когда она выглядит как трубочист. Я дам ее за сто пятьдесят серебряных, – подсчитал работорговец.

– Я всегда могу отдать ее в любой патрицианский дом, – возразил кочевник. – Под всей этой грязью девочка чудо как хороша. Уверен, мне за нее неплохо заплатят.

Работорговец сузил глаза. Я испугалась, что человек Мэйзена ошибся, подняв цену. Давай же, скряга, внушала я работорговцу. Раскошешься!

Работорговец достал мешок с монетами. Я с трудом скрыла облегчение.

– Тогда сто восемьдесят серебряных. И не медяком больше. Сними с нее цепи.

Меньше чем через час повозка-призрак уже везла меня в Блэкклиф. Широкие серебряные браслеты – их носили рабы – украшали каждое запястье. От ошейника к железной перекладине внутри повозки шла цепь. Кожа сияла чистотой после того, как меня помыли две девушки-рабыни. Мои волосы они собрали в тугий узел так, что болела голова. Меня нарядили в платье из черного шелка с тесным корсажем и юбкой в ромб. Это было самое красивое платье, что мне доводилось носить. И все же я возненавидела его с первого взгляда.

Минуты тянулись. Внутри повозки сгустилась такая тьма, что я чувствовала себя слепой. В таких повозках Империя увозит детей книжников, порой совсем еще крох – двух-, трехлетних, отрывая их, плачущих, от родителей. Никто не знает, что с ними происходит после, где они и что с ними. Повозки-призраки так и называются, потому что тех, кто исчезает в них, больше никто никогда не видит.

«Не думай об этом, – шепчет мне Дарин. – Сосредоточься на своем задании. На том, как ты спасешь меня».

Пока я прокручивала в голове инструкции Кинана, повозка начала карабкаться в гору, двигаясь до ужаса медленно. Жара стала невыносимой, и когда я

почувствовала, что скоро упаду в обморок, решила отвлечься, воскрешая воспоминания. Три дня назад Поуп сунул палец в горшок с джемом и засмеялся, когда Нэн стукнула его ложкой. Их смерть – незаживающая рана в груди. Я скучала по раскатистому смеху Поупа, по рассказам Нэн и, конечно, по Дарину. Небеса, как же я скучала по своему брату! По его шуткам и рисункам. Казалось, он знал все на свете. Жизнь без него не просто пустая, а жуткая. Он так долго был моим проводником, моим защитником, моим лучшим другом, что я просто не знала, как быть без него. Мысль о том, что его пытаются, причиняла мне страдания. В камере ли он прямо сейчас? Или под пытками?

В углу повозки что-то блеснуло, темное, ползучее. Я хотела, чтобы это оказалось животное – мышь или даже крыса. Но затем существо обратило на меня свои глаза, яркие и хищные. Это снова случилось! Существо оказалось тенью, одной из тех, что я видела в заброшенном доме в ночь облавы. Я сходила с ума! Проклятье! Я закрыла глаза, желая, чтобы тень растворилась. Но она не исчезала. Тогда я ударила ее дрожащей рукой.

– Лайя...

– Убирайся прочь. Тебя не существует.

Тень придвигалась все ближе. Не кричи, Лайя, – успокаивала я себя, отчаянно кусая губы. – Не кричи.

– Твой брат мучается, Лайя, – существо так отчетливо проговаривало каждое слово, будто желало, чтобы я не пропустила ни звука. – Меченосцы пытаются его медленно и с удовольствием.

– Нет! Ты существуешь только в моей голове.

Тень засмеялась, будто разбилось стекло.

– Мы реальны, как смерть, маленькая Лайя. Реальны, как раздробленные кости, как вероломные сестры, как ненавистные маски.

– Ты лишь в воображении. Ты моя... моя вина, – я схватилась за браслет матери.

Тень обнажила хищный оскал, подбравшись ко мне на расстояние шага. Но вдруг повозка остановилась, и существо, бросив на меня последний, полный злобы взгляд, исчезло с недовольным шипением. Спустя несколько секунд дверцы открылись. Передо мной возвышались запретные стены Блэкклифа. Их мощь угнетала, сводя с ума.

– Глаза вниз, – работорговец отцепил меня от перекладины, и я, пересилив себя, посмотрела под ноги, на мощеную улицу. – Говори с Комендантом, только если она сама заговорит с тобой. Не смотри ей в глаза – она секла рабов и за меньшее. Когда она даст тебе поручение, выполняй его быстро и хорошо. Она будет уродовать тебя в первые недели, но, в конечном счете, ты ей еще спасибо за это скажешь. Если рубцы будут страшные, курсанты-старшекурсники не станут тебя слишком часто насиловать.

– Последняя рабыня продержалась две недели, – продолжил работорговец, не замечая, что меня бьет дрожь. – Комендант весьма огорчилась по этому поводу. В том моя вина, конечно – я должен был предупредить девушку. По-видимому, она чокнулась, когда Комендант прижгла ее раскаленным железом. Бросилась со скалы. Никогда так не делай. – Он взглянул на меня твердо, как отец, предостерегающий заблудшего ребенка от бродяжничества. – Или Комендант решит, что я поставляю ей плохой товар.

Работорговец кивнул в знак приветствия стражникам, стоящим на воротах, и потянул меня за цепь, как собаку. Я поплелась за ним. Изнасилование... увечья... каленое железо. Я не смогу сделать этого, Дарин. Не смогу.

Меня захлестнуло желание бежать, столь мощное, что я замедлила шаг, остановилась и отстала от работорговца. Внутри все свело, и я думала, что заболела. Но работорговец сильно дернул цепь, и я заковыляла вперед. Мне некуда бежать, осознала я, когда мы прошли под железной, в шипах, воротной решеткой Блэкклифа, опускающейся за нашими спинами. Мы оказались на земле, о которой ходило столько легенд. Теперь некуда идти. И не существует другого способа спасти Дарина.

Я уже здесь. Больше нет пути назад.

12: Элиас

Через несколько часов после того, как меня назвали Претендентом, я покорно стоял рядом с дедом в холле его особняка, больше похожего на пещеру. Мы приветствовали гостей, прибывающих на мой выпускной вечер. Хотя Квину Витуриусу уже исполнилось семьдесят семь, женщины до сих пор краснели, когда он смотрел им в глаза, а мужчины морщились, здороваясь с ним за руку. Свет лампы окрасил его густую белоснежную шевелюру золотистыми бликами, и, глядя на то, как он, возвышаясь над всеми, кивает каждому гостю, я невольно представил сокола, что взирает на мир с высоты.

К восьмичасовому колоколу особняк заполнили самые знатные семьи патрициев и самые богатые торговцы. Единственные плебеи здесь – конюхи. Мою мать на празднество не пригласили.

– Наши поздравления, Претендент Витуриус, – усатый мужчина, возможно, мой кузен, потряс мою ладонь обеими руками, выбрав тот титул, которым нарекли нас Пророки во время выпуска. – Или я должен сказать, ваше Императорское Величество?

Человек осмелился взглянуть на деда с угодливой улыбкой. Но дед не удостоил его вниманием. И так продолжалось всю ночь. Люди, имена которых я не знал, обращались со мной так, будто я их давно потерянный сын, или брат, или кузен. Половина из них, возможно, и в самом деле приходились мне родственниками, но прежде их никогда не волновало мое существование.

Подхалимы перемежались друзьями – Фарисом, Дексом, Тристаном, Леандром, но больше всех я ждал Элен. После того, как мы приняли клятву, семьи выпускников хлынули на поле, и Элен увели родственники прежде, чем я успел перемолвиться с ней хоть словом. Думала ли она об Испытаниях? Придется ли нам сражаться друг с другом? Или мы будем заодно, как бывало всегда с самого поступления в Блэкклиф? Каждый мой вопрос порождал все больше и больше других. И больше всего меня терзала мысль: как мое назначение Императором, что само по себе мне отвратительно, может привести к заветной цели: «истинной свободе души и тела»? Одно лишь ясно: как бы я ни хотел сбежать из Блэкклифа, с Академией еще не покончено.

Вместо положенного месяца нам дали только два дня отдыха. Затем Пророки потребуют, чтобы все курсанты – даже выпускники – вернулись в Блэкклиф, чтобы стать свидетелями Испытаний.

Когда наконец Элен в сопровождении родителей и сестер появилась в доме моего деда, я забыл поприветствовать ее. Я уставился на нее во все глаза. Она поздоровалась с дедом, такая изящная и блистательная в своих доспехах с развевающимся черным плащом. Ее серебристые волосы блестели в свете свечей и ниспадали волнами.

– Осторожнее, Аквилла, – сказал я, когда она приблизилась. – Ты выглядишь почти как девушка.

– А ты выглядишь почти как Претендент. – Ее улыбка не коснулась глаз, и внезапно я осознал, будто что-то исчезло. Ее приподнятое настроение испарилось, она дрожала как будто перед битвой, которую ей не выиграть.

– Что случилось? – спросил я. Она попыталась пройти мимо, но я поймал ее за руку и развернул к себе. В глазах пронеслась буря, но она выдавила улыбку и мягко высвободила пальцы из моих рук.

– Все в порядке. А где угощение? Я проголодалась.

– Я пойду с тобой...

– Претендент Витуриус, – прогремел голос деда. – Губернатор Лейф Тэнэлиус желает сказать слово.

– Лучше не заставлять ждать Квина, – посоветовала Элен. – Он выглядит непреклонным.

Она ускользнула, а я, стиснув зубы, пошел за дедом поддерживать высокопарный разговор с губернатором. Весь следующий час я повторял одни и те же скучные фразы, беседуя еще с десятком других самых влиятельных патрициев, пока наконец дед не увел меня в сторону от бесконечного потока гостей.

– Не позволяй себе отвлекаться, ты рассеян, – упрекнул он. – Эти люди могут быть очень полезными.

– Они пройдут Испытания вместо меня?

– Не будь идиотом, – одернул меня дед раздраженно. – Император – не остров. Тебе потребуются тысячи людей, чтобы эффективно управлять Империей. Городские головы будут отчитываться перед тобой. Но также будут стараться сбить с толку и манипулировать тобой на каждом шагу, поэтому тебе потребуется шпионская сеть, чтобы проверять их. Для Ополчения книжников, варваров и дикарей, что совершают набеги на наши границы, да и для проблемных кочевников смена династии станет поводом посеять беспорядки. Тебе потребуется полная поддержка военных, чтобы подавить любой намек на восстание. Короче, тебе нужны эти люди – советники, министры, дипломаты, генералы, шпионы.

Я отрешенно кивнул. Девушка в соблазнительном легком платье, очевидно, дочь одного из богатых торговцев, смотрела на меня, стоя у двери, ведущей в переполненный людьми сад. Хорошенькая. Действительно хорошенькая. Я улыбнулся ей. Может, после того как я найду Элен...

Дед сгреб меня за плечи и повел прочь из сада, куда я было устремился.

– Будь начеку, мой мальчик, – внушал он. – Этим утром до Императора дошли новости об Испытаниях. Шпионы сообщили мне, что он покинул столицу сразу, как узнал об этом. Он и большинство его домочадцев прибудут сюда через нескольких недель, в том числе и Кровавый Сорокопут, поскольку он захочет спасти свою голову.

На мой удивленный взгляд дед фыркнул:

– А ты думал, что династия Тайа уступит без борьбы?

– Но Император практически боготворит Пророков. Он посещает их каждый год.

– Это так. Но сейчас они отвернулись от него, угрожая отобрать престол. Он будет бороться, можешь даже не сомневаться, – дед сузил глаза. – Если хочешь

победить, ты должен пробудиться. Я уже и так изрядно потрудился, улаживая твои дела. Братья Фаррар болтали на каждом углу, что вчера ты практически позволил дезертиру уйти, что твоя маска не срослась с тобой и это свидетельствует о твоей неверности. Тебе повезло, что Кровавый Сорокопут далеко на севере, а то он бы уже до тебя добрался. А так Черная Гвардия решила ничего не расследовать после того как я напомнил им, что Фаррары – безродная плебейская шваль, а ты – представитель самого знатного дома Империи. Ты меня слушаешь?

– Конечно, – ответил я с чувством оскорбленного достоинства, но дед, заметив, что я то поглядываю на девушку в дверях, то смотрю в сад, выискивая Элен, не поверил мне. – Я хотел найти Эл...

– Не смей отвлекаться на Аквиллу, – потребовал он. – Как ей удалось сразу стать Претендентом – не понимаю. Женщинам не место в военном деле.

– Аквилла – одна из лучших бойцов в Академии.

Дед разозлился, что я ее защищаю, и хлопнул рукой по антикварной консоли у входа, да так сильно, что с нее упала ваза и разбилась. Девушка вскрикнула и сбежала. Дед даже глазом не моргнул.

– Глупости, – сердился дед. – И не говори мне, что у тебя какие-то чувства к этой девке.

– Дедушка...

– Она принадлежит Империи. Так что, полагаю, если тебя назовут Императором, ты сможешь оставить ее под боком в качестве Кровавого Сорокопута и даже жениться на ней. Она из знатной семьи и сама – здоровая баба, сможет нарожать кучу детей, так что по крайней мере у тебя будет полно наследников.

– Дедушка, прекрати, – я смутился, чувствуя, как к шее хлынул жар при мысли о том, чтобы делать наследников с Элен. – Я не думаю о ней так... Она... она...

Дед поднял седую бровь, когда я начал заикаться, как болван. Конечно, меня переполняли подобные желания. Курсантам Блэкклифа не часто попадались

женщины. В основном они либо насиловали рабынь, либо наведывались в бордель. Но ни то, ни другое меня не привлекало. В время каникул я, само собой, развлекался вовсю, но отдыхаем мы раз в год. А Элен – девушка, причем красивая, и я провожу бо?льшую часть времени рядом с ней. Но это ничего не значит.

– Она – товарищ по оружию, – нашелся я. – Мог бы ты любить солдата так, как любил бабушку?

– Никто из моих солдат не был высокой блондинкой.

– Я здесь уже не нужен? Я бы хотел отпраздновать выпуск.

– Есть еще кое-что, – дед отошел и вскоре вернулся с длинной коробкой, обернутой в черный шелк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/saba-tahir/ugolek-v-peple-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)